
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Николай Ольков

(с. Бердюжье, Тюменская область)

ГИБЛОЕ ДЕЛО

(глава из повести)

Родился в селе Афонькино Тюменской области. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького Союза писателей СССР. Член Союза писателей России. Автор более двух десятков книг, большинство которых вошли в пятитомное собрание сочинений, изданное «Российским писателем» (Москва, 2018 год). Лауреат нескольких региональных и республиканских премий, международных премий «Имперская культура», имени П. П. Ершова. Почетный аграрник Тюменской области.

— Ну и брызги же от тебя летят, Дарья Мартемьяновна, не поберегись — с ног до головы оплешешь.

— Не видишь, крыльцо домываю, скоро начальство придет, а у меня растворено — не замешано.

Дарья, подоткнув подол застиранной юбки и широко расставив ноги, спускалась по ступеням высокого конторского крыльца, выманивая за собой жирную октябрьскую грязь.

Она по голосу узнала Семена Федоровича, своего ровесника, и даже сердце екнуло. Сказала с деловой резкостью:

— А ты чего это с утра пораньше?

— К начальству вопрос, — уклончиво ответил ранний гость, тщательно уминая во влажную землю тощий окурок.

Дарья выпрямилась, отжимая тряпку, обернулась, у Семена, как всякий раз, душа замерла: не пожилую женщину, а крепенькую круглолицую белянку-красавицу, курносую, с кудряшками видел он перед собой

— Ты, верно, по большому делу, коли в хромовых сапогах и при шляпе. Шляпу-то зачем надел, сроду не видела тебя при шляпе.

Семен Федорович обиделся:

— Не смотришь в мою сторону, Мартемьяновна, вот и дивно тебе, что я прибахлился. А я, шутки в сторону, всегда стараюсь быть при аккурате, стало бы тебе известно. Чтобы ваш брат, бабы, не чесали языки по моему поводу.

— Да ладно тебе, в обиду впал. Я ведь без злобы. — Она вытряхнула тряпку,

отойдя чуть в сторону от Семена, выплеснула из ведра воду и подошла к гостю, вытирая озябшие руки подолом верхней юбки.

— Как поживаешь, Семен Федорович? Авдоха твоя как здоровьем?

— Я ничего сам себя ощущаю, а Авдотья плоха, совсем гиблое дело. Дотянет до лютых морозов, потом всей деревней яму долбить придется.

— Христос с тобой! Такие речи!

— А я, Дарья, без сожаления, скорей бы. Детей нет, рыдать некому, сам для приличия слезу пушу, и опять вперед.

Дарья вздохнула.

— Ты проходить будешь или тут подождешь?

— Постояю, пусть просохнут плахи-то, а то наслежу, опять от тебя взысканье.

— Много я с тебя взыскивала.

Семен встрепенулся:

— А ты суммируй, какую жизнь я прошел, много чего получается после нашей разлуки, и все за твой счет.

Дарья вздохнула:

— Нашел время и место. Грех тебе при живой жене такие разговоры заводить. А вот и начальство идет.

Председатель колхоза Григорий Яковлевич Гурушкин в плаще и резиновых сапогах, но тоже при шляпе, громко поздоровался, омыл сапоги в большом корыте, глянул на Семена.

— Ты не ко мне ли, Семен Федорович?

— Ежели примите, благодарен буду, а нет времени на меня — дождусь парткома, тот обязан.

— Проходи,— сказал председатель,— парткома теперь до второго пришествия не будет.

— А что с Володимиром Тихоновичем?

— Ты телевизор смотришь?

— «Рабыню Изауру». Третий раз. Смотрю и плачу.

— Не о том слезы льешь, Семен Федорович. Разве не слышал, что советы распустили и партию прикрыли?

— Так то не нашу! — обрадовался Семен Федорович.— Прикрыли какую-то в недоразвитых странах, знаю.

Гурушкин вздохнул:

— Ладно, пошли в кабинет.

Семен присел на краешек стульчика у стола, невысокого роста, чисто выбритый, сухой лицом и телом, не по годам подвижен и бодр.

— Григорий Яковлевич, ты мне скажи, как дальше будет деревня? Вчерась, сам видал, дойных коров погрузили на скотовозы, колбасы, стало быть, захотелось новым князьям и боярам. И что дале? Коров прирежем, чем кормиться будем? Ты же вечный крестьянин, хоть и молодой, но ты же в понятии, что без скотины деревня пустой станет.

Гурушкин размял сигарету, затянулся, разогнал клубы дыма рукой.

— Спросил бы что попроще, Семен Федорович, к примеру, дровишек или тесу на забор.

— Ты мне про тес не намекай, сам знаю, что два века не живут, тесины меня вторую пятилетку на чердаке дожидаются. Батьку твоего вон на сколь пережил, а он только на три годика и постаре. Я тебя сурьезно спрашиваю, потому как не могу ума дать, что деется. Хлеб куда нынче дели? Молотили—молотили, через два дня пришел — скукурикало зернышко, под метлу увезли. Терлись, сказывают, тут трое чер-

нявеньких. Это не продзавёртка ли возобновилась? Говорили, что в тех отрядах голубоглазых тоже немного было.

Григорий Яковлевич посмотрел в лицо этому пожилому человеку, давно пенсионеру, но понимающему колхоз как родное существо, хотелось сказать ему все, о чем думал в дни, да и вообще весь год шел к этому вопросу: а что дальше? Даже в районе слова не давали сказать, в область вовсе не приглашали. Но неизбежность формулировать свое понимание снова пришла вместе с любознательным и беспокойным стариком.

— Дядь Сем, ты же видишь, что творится стране. Оказывается, мы жили плохо, теперь все перестраивают, чтобы жилось лучше.

— Э-э-э, Гриша, такое я уж не пятый ли раз слышу на своем веку: сегодня плохо, потому что завтра должно быть хорошо. А ведь мы было зажили кучеряво: и зарплата тешка выровнялась, и в магазинах кой-что стало появляться, мужики легковушек в кредит понабрали. Это плохо, скажи, плохо?

Гурушкин промолчал.

Старик понимающе кивнул:

— Хотел картошку продать заезжим хачикам, но таперика воздержусь, а то в мировую систему меня на носилках придется заносить. Отходишков для поросенка у тебя нет, зерна для курей тоже не продашь, стало быть, из живности остается старуха и кот блудливый. Потому картошка незаменимый стратегический продукт, по всей расейской истории так, ежели шутки в сторону.

Семен думать любил, рассуждал сам с собой, иногда даже ссорился, да громко, так что было сомнение у народишка насчет дальности его ума. Сам Семен этим особо озабочен не был, до пенсии плотничал, топором играл, на спор сургуч с водочной бутылки на чурке одним ударом срезал, но на народе больше молчал. Были в деревне несколько человек, с которыми он мог откровенничать безбоязненно, с ними и отводил душу. Но иногда срывался и на народе, высказываясь притчами и намеками.

Вот как человеческая жизнь так извернется, что вроде и полгроба из задницы торчит, прости господи, а все равно как не жил. Скоротечность и неуправляемость жизнью больше всего волновали Семена. Он сильно огорчился, когда пенсионную книжку получил, где написано, что назначена пенсия Семену Федоровичу по старости. Он аж отпрянул: почто по старости, не старик еще, кажись? Пошел в отдел кадров, попросил Фросю, чтобы искала, может, есть книжки, где не старость записана, а, допустим, возраст. Фрося и говорить не стала: бумаги в райсобесе готовят, там и проси.

В район Сема не поехал, он района боялся еще с тех пор, как ездил хлопотать за друга своего Якова Матвеича, отца нынешнего председателя. Они на фронте шибко подружились, одной бомбой и ранило их при налете тяжелой авиации, только Сему контузило слегка, а Якова едва откачали, ногу отпилили и кое-что из внутренностей выбросили. Вернулся он в деревню совсем никакой, робить не может, а на пенсию документы где-то затерялись. Ну и рванул Сема в район, в одном здании пошумел, в другом, из третьего его под белы руки увели в камеру, а утром отправили в город соседний, в специальную лечебницу, ну, дурдом, по-нашему. Сема там только месяц и провел, но насмотрелся на всю жизнь. Какой-то доктор приехал, из умных, осмотрел Сему и заключение написал: в деревне рабочих рук не хватает, а тут здоровый мужик в калошах по двору ходит и кукишки воробьям показывает. Сему и отправили домой. Вместе с ним прибыло и народное подтверждение: точно, умом шевеленный Семен, в дурдоме зря держать не будут.

Вот почему жизни нет простому русскому мужику? Вроде не шибко зло употребляет, работать может, а все как-то впустую. Крепко занимала умишко эта проблема: почему плохо живет мужик в деревне? Сема вспоминал свою жизнь. Первую само-

стоятельную борозду на пашне под зорким оком отца, когда послушная Пегуха осторожно прошла гоны, и десяток крикливых грачей бросились на свежий пласт чернозема. Потом эту землю вместе с Пегухой сдали в колхоз. Семку тоже записали колхозником, и он снова пахал эту землю, но земля была уже чужая, Пегуха тоже колхозная, и грачи вроде как загрустили.

Пришла пора, собрался Семка жениться, за Дашкой втихоря ухлястывал, Мартемьяна Безбородихина дочкой. Дарья-то не особо старалась убежать, когда с вечерок шли, но баловства не допускала, так и сказала:

— За титьку словишь — голову отверну.

Семка знал, что так оно и будет, в случае чего, потому жался к девке, как кот, щурился, да и она мурлыкала, в общем, заговорил Семен о свадьбе. Отец сразу сказал, что Мартемьян Дарью в нашу семью не отдаст, но сын настаивал, и сватов собрали. И Чирку, маленькому говорливому мужичку, и Парамонихе, которая знала весь обряд сватанья, пообещал богатый магарыч, пошли всей кампанией, но Мартемьян с раннего вечера спустил по двору двух кобелей, пришлось стоять под воротами и кричать хозяев. Кто-то из домашних убрал собак, но настроение жениха совсем пожухло: собак убрал, сам отлаиваться будет.

Мартемьян стоял посреди просторной избы, уперев руки в боки, поулыбывался:

— В передний угол не приглашаю, незачем. Дарье порку уже устроил, чтобы блюла себя и следила, кто рядом трется. Мне с тобой, Федор, родниться нет нужды, ты и при новой власти все в тех же штанах, как при царизме. Не фартит тебе, и сын твой такой, с топором за поясом, как разбойник.

— Ты, Мартемьян Фадеич, семью мою не позорь, мы всегда жили честно и своим куском. Ты в сельпо подался, и слава Богу, а мы по колхозной части, там навар жиже. Только поперек их судьбы не становись, до добра это не доводит.

— Уж не пугать ли меня взялся? Увижу твоего трухлявого рядом с дочерью — запорю, не сам, найду доброжелающих. Все, порог знаете, где. Савельевна, ставь ужин!

Через неделю Семка перехватил Дарьюшку темным вечером, никуда отец не выпускал, а тут, видно, нужда какая поджала, бегала девчонка в легкой шубейке к родственникам.

— Ой, испугал ты меня! Давай хоть от ворот отойдем, а то тятя услышит.

— Не бил он тебя?

— Нет, словесно. Пообещал в район выдать за дружка своего, торговый начальник какой-то.

— А ты?

— Я — что? Сказала, что не пойду, а он хохочет.

— Значит, отдаст. А я об тебе сохну, кусок поперек горла. Когда отправить-то собрался тебя?

— Не знаю, тут проговорился, что тому надо еще со старой женой развестись, да в райкоме все уладить.

— Даша, неужто ты согласишься?

— Ой, отстань, и так голова кругом. Все, побежала я. Постой, я тебя поцелую.

Она охватила его за шею, он распахнул полушубок, прижал ее, так что сердечко слышно стало, и они неумело и сладко целовались. Обмякнув, она выпросталась из его рук, запахнула шубейку и побежала к дому.

Семен Федорович тот вечер всю жизнь помнил, и как зиму страшную пережили, когда со дня на день грозился отец увезти дочь в район. Неведомо, какими путями все обошлось, сказывают, власти партийные сильно воспротивились, один чин так и сказал: «Кабы партийный билет разрешал, я бы каждый год баб менял, а то и чаще. Так что ты про молодую жену забудь, а то все мы тут с ума посходим».

Семен Федорович как сейчас помнил, что встретились они с Дарьюшкой ранней весной в лесу, случайно, он жерди приехал на паре коней рубить для колхозного загона, она березовый сок собирала.

— Ты не одна ли?

— Разве он отпустит? Брат со мной, да он сорок зорит.

И нацеловались же они в тот момент — до одури. Березовка давно через край бутылки течет, а Дарьюшка не видит, не хочет видеть. Брат два раза окликнул, отозвалась тягучим голосом, и опять губы в губы.

— Ты чего несмелый такой, Сема, потискай меня, мне сладко, когда ты мнешь.

— Ага, а сама придушить обещала.

Она хохотнула:

— Дурачок, когда это было. А теперь я створки тебе открою, если ночью придешь. Придешь?

— Приду. Седни?

— Нет, дня через три, я дам знать, тятя уехать должен. Жди.

Дом Мартемьяна, доставшийся ему от отца, купца, державшего три лавки, стоял в глубине сада из густых неухоженных зарослей черемухи, акации и сирени. Поговаривали, что старый купчишка откупился от властей, а магазины свои передал в сельпо. Торговали сами, Мартемьян со временем все к рукам прибрал, от мобилизации в Финскую войну прикрылся грыжей, хотя пятипудовые кули с телеги прямо на амбарную эстакаду забрасывал. Месячную выручку всего сельпо у Мартемьяна разбойники отобрали, его в район лошадь привезла едва живого, только Семен сам слышал, прячась накануне за завозней и поджидая Дарьюшку, как Мартемьян кричал приказчику Фиме:

— Бей прямо в лицо, чтоб синяки были, чего ты меня гладишь?!

— Боюсь, Мартемьян Фадеич, вдруг ты за обиду примешь?

— Вот дурак, сказано, для великого дела надо, бей, все стерплю, а не то завтра же в военкомат сдам.

Позавидовал тогда Семка приказчику, уж он бы уговаривать не заставил. Дарьюшка прибежала напуганная, говорит, тятя зашел в дом и скрылся в своей комнате, не велел даже чай подавать. Полезли они через заросли к окошку, и видел Семка, как Мартемьян с разбитым лицом деньги пересчитывал и на три пачки делил, бормоча:

— Всех куплю, сволочей, а на фронт не дамся. Мне и тут в войну славно будет!

Дарьюшка в последнее время совсем с ума сходить начала, так и висла на Семке, а тот радовался и вздрагивал: вдруг кто застукат? Прямо сказать, Мартемьяна боялся.

— Убежим куда, Сема, везде люди живут.

— Куда я без бумаг, колхоз не отпустит, а так — посадят. Гиблое дело.

— Достукашься, что выдаст меня за какого-нибудь полумотика, у него что ни друг, то жулик, и разговоров только про деньги. Завтра он уедет, как стемнеет, приходи к моему окну, я отворю. — Она прижалась к нему и шептала на ухо: — Увалень ты, Сема, и за что только люблю дурака? А отцу объявлю, что в положении, даже по деревне слух пушу, покочевряжится, и отдаст, никуда не денется. Все, побегла я, не дай бог, хватятся.

Ох, и долгий же был этот июньский день, уж сил нет терпеть, а все никак не темнеет. Мать спросила:

— Ты чего маешься? Живот скрутило?

— Скрутило, мать, мочи нет.

— Не трись здесь, сходи за пригон, потужься.

Ушел совсем, в дальнем углу сада перелез через прясло, дарьюшкино окно увидел, створки настез, облапал кряжистую черемуху, подтянулся, на сучок встал, до

окна два шага всего. И тут как будто сучок треснул, и кто-то сильно лопатой плашмя ударил его по заднице. Когда уже бежал переулком, проскочив изгородь, понял, что стреляли в него, во как! Затаился, пощупал задницу — мокро, лизнул — кровь, а зуд такой, хоть волком вой. Докондыбал до Прони Бастенького, вроде как дружок, про Дарьюшку все знал, кое-как растаскал его на сеновале, рассказал. Пошли в баню. Поставив Семку задомверху, Проня, осветил рану и захихикал.

— Ты чего ржешь, дурак, тут в зубах крови нет, а ему хаханьки.

— Семка, это тебе солью врезали, моли бога, что на четверть в сторону, а то бы и в окошки к девкам лазить нужды не стало.

— Ты не ржи, чего делать-то?

— Я так морокую, что отмокать тебе придется. Пошли на речку.

Вода была теплая, но Семку бил озноб. Проня заставлял растирать рану, чтобы соль вымывалась. Уже светать начало, когда Семка притаился домой. Несколько дней на работу не ходил, ничего, затянуло, как на собаке.

Поздним вечером Проня стукнул в окно и позвал Семку.

— Чего тебе?

— Выйди, дело есть.

Вышел. В тени ворот стояла Даша. Пронька махнул рукой и скрылся.

— Сема, это приказчик Фимка подслушал наш разговор и с ружьем сидел напротив окна. Сильно он тебя?

— Сойдет. Тебе, небось, тоже попало?

— Нет, тятя веселый ходит, не иначе задумал что-то. Ох, Сема, не хочу я ни за кого, а ты все медлишься. Бежать надо, здесь уйди я к тебе — убьет отец, я эту породу знаю. Того же Фимку наймет. Убежим, а? — Она положила головку ему на грудь.

Семен покачал головой:

— Некуда бежать, Даша.

Она неловко отпрянула от него, вздохнула тяжело, по-бабьи:

— Значит, нет в тебе жалости ко мне совсем, ты почто не ценишь, что в постелю свою позвала тебя, не мужа еще? До субботы жду, не решишься бежать — не подходи больше, я потом хоть за дьявола пойду, мне все едино.

И она быстрым шагом растворилась в темноте.

По теперешнему стариковскому разумению понимал Сема так, что убоился тогда Дарьюшку выкрасть и тайком увезти, толи батюшки ее испугался, толи перемен жить в других краях, а это надо было не иначе, как в город. А кто он в городе? Так себе, пятое колесо. Ни разу в городе не бывал — куда бечь?

И три дня, оговоренные Дарьюшкой, прошли, и неделя, и месяц — не появляется она нигде, но речей нет, что в замуж увезли. Ретивое ноет, а ума не хватает. Приходит как-то дружок Проня Бастенький, зубоскалит:

— Дарью в лавке встретил, велено тебе к ихней задней калитке после управы подойти. Ты бы на всякой случай задницу дощечкой прикрыл.

Пришел пораньше, притаился, как бы опять на приказчика не нарваться, увидел, что сама бежит, сердце в пляс пустилось. Обняла его, целует, а у самой слезы:

— Ничего не решил, Сема? Ах, пожалеешь, да поздно будет для обоих. Вот, слушай, он опять кого-то мне нашел, свирепый стал, я как-то про нас с тобой заикнулась — чуть не ударил. Деньги ему глаза застилают, да и только. Так вот, слушай. Чтобы он чего не удумал, я в подпол полезу, как за картошкой, и с лесенки упаду, понарошку, а орать буду во всю правду. Пусть любых фельдшеров везет, иначе чем на излом ноги не соглашусь. Месяц просижу, а ты, Сема, поедешь в город, договорись тут с бригадиром, пока сенокос не начался, съезди и все разузнай. Я вот тебе денег на дорогу принесла. Сема, славный мой! — Она припала к нему и дрожала

вся.— Поезжай и все разузнай про работу и про жилье, говорят, там есть такие дома, где обшакон живут.

— Это как?

— Ну, в большом доме у каждого свой угол. Ой, да господи, нам и хватит!

— Отец прибуьет обоих.

— Не прибуьет! Я ему записку оставлю про мордобой нарошнешный и про три кучки денег. Убоится! Все, убегаю, хватаются.

С утра и до позднего вечера добирался Семен до города, заночевал в какой-то пекарне, у девчонок рабочих выпросился, тут же и про работу узнал, про жилье.

Девчонки советовали:

— Коли специальности нет, лучше стройки ничего не придумать, будешь подсобником, тяжело и тариф слабый, зато койку в общежитии дадут.

— А я с женой...

— Могут и комнату дать, только навряд ли.

— Мы и не расписаны еще в сельсовете.

Девчонки смеются:

— Таких жен отдельно селят.

Утром нашел строительную контору, наскочил на прораба, тот сказал, что хоть завтра выходи на работу. В конторе койку пообещали и Даше тоже в женской половине.

Домой вернулся измученный и беспомощный, так и не пристал ни к какому берегу. Услышал, что Дарья ногу повредила, в глине замотана, дома сидит. А на улицу выйдет — что ей сказать?

24 июня в размашистые луга Лебкасного лога и Коровьей Пады приехала на дрозках секретарь сельсовета Хроменькая Надя, сразу подтянулись мужики и парни, а она под расписку отдавала повестки. Все молчали. Молодежь хотела сразу сорваться домой, потому что отправка уже завтра, но бригадир приструнил:

— Надо сенишко дометать, вы уйдете, а колхоз со скотом останется, чтобы вас кормить.

Пришлось робить, только Наде наказали, чтобы по всей деревне бани топили, мобилизованных напоследок попарить.

Семка слегка обмылся, окатился холодной водой и вышел на воздух. Вечер мирный, небо в звездах, ни ветерка. Поднялся наверх от бани, она у них на задах огорода, подошел к пряслу, а Даша стоит в платочке, в платьишке ситцевом, вся воздушная, родная, так и прыгнула к нему на руки:

— Сеня, миленький ты мой, вот и выбор наш кончился. Ты скажи своим, чтоб не теряли, а я тебя в вашем сеновальчике ждать буду.

Коротка июньская ночь, для долгожданной любви коротка, для военной разлуки.

Даша так и не выпускала Сему из объятий:

— Родной мой, единственный, муж вечный, пентюх ты битюковый, отчего девчонка должна все за тебя решать? Не приди я — так и не насмелился бы. Я тебя ждать стану, ты возвратишься скоро, там же недолго, я в газете читала. А я тебе потом ребятишек нарожаю, целую кучу, таких же тихонь да скромненьких.

— Выдаст он тебя.

— Тепер не выдаст, прикинусь беременной, я же по-всякому умею.

— Идти надо, Дашенька.

— Пойдем. Сейчас он меня встретит.

Она обняла его и крепко—крепко в губы поцеловала, он даже сойкал, прыгнулась к самому лицу, посмотрела на свою работу, довольная собой:

— Засос тебе поставила, чтобы все видели, что провожала тебя на фронт горячая девка, тепер уж баба твоя.

Вокруг зазвенели подошники, заспанные хозяйки толкали лениво жующих коров. Начинался очередной крестьянский день.

В глухих урманных местах спрятались три деревни, сказывали, не то пугачевские, не то разинские недобитые казачки сюда утянулись с Урала, баб по пути понабрали, да и обосновались. Леса богатющие, низины травой зарастают — литовку не протащить, а подлески да поляны распахали, рожь дуром дурит, перепелки выпорхнуть не могут, пешком выходят, колос с ладони свешивается.

Все это Сема знал от стариков, всегда интересовался прежней жизнью, когда своя не особо удалась. Будь пограмотней, записал бы, в потомство пустил, а так только сам и знал, да иногда рассказывал вместо баек.

Про колхоз его рассказ записал какой-то заезжий писака, три дня бражку пили у Семена, записал и рассказ вставил в книжку, когда советской власти не стало и распечатывали всякую чушь. Книжку ту он хранил и всякий раз показывал свой рассказ, хотя, очевидцы свидетельствуют, много всего Семка прибавил или писатель от себя тиснул. Но Сему это не смущало: история тем и интересна, что каждый ее может дополнить, если ума хватает.

«У нашего колхоза биография богатая, как у Володи-Гюрьмы, которого посадили еще ребенком, и за неполные пятьдесят он сроков получил в два раза больше, отсидел частично, зато в короткие передышки между посадками хвастал, как много он повидал. Бабы вздыхали, а ребяташки пучили глаза от восхищения и зависти.

Колхозы в наших краях создавали зимой тридцатого года, а наш образовался за одну ночь без предварительной проработки и подготовки, и это повергло в смятение районных начальников. Все понимали, что разовый успех наверху могут истолковать как результат системной и продуманной массово-политической разъяснительной работы, и никто не мог быть гарантирован, что завтра не заставят повсеместно поднять этот уровень и добиться единодушного и молниеносного вступления в колхозы всех граждан. А было много деревень, где единоличники заняли молчаливую оборону, поддакивали линии партии, но заявлений не писали.

Нашей деревне повезло в том смысле, что всегда у нас было полно мужиков с хорошо подвешенными языками, которые они не утруждали себя держать за зубами, и считали меткое слово не меньшей заслугой, чем добрый приплод в хозяйстве или хороший хлеб в закромах.

На собрание по поводу новой колхозной жизни в середине дня приехал к нам из уезда суровый человек в кожанке, правда, без нагана, хотя наган, сказывал сельсоветский кучер по прозвищу Кнут, у него был и лежал в «голенище», по-городски — в портфеле, в гороховой тряпице. Уполномоченный начал с положения в партии и прошел через все революции, включая поверженный женский батальон, охранявший последний бастион мировой буржуазии — Зимний дворец. Уполномоченный, явно не наших мест, громовым голосом картаво говорил о всемогущем лозунге «Земля — крестьянам!», который наши мужики понять не могли, потому что земля в Сибири и есть у крестьян, у кого же ей еще быть? Даже председатель сельсовета Никитка Щинников пахал и сеял. Про помещиков и капиталистов, которые безотрывно пили кровь из эксплуатируемого крестьянства, у нас не слыхали, и живыми этих кровососов никто не видел. Хотя в соседней деревне маркитант Феофан, когда колол свиней или другой скот, просил у хозяйки чистую кружку, нацеживал из раны свежей горячей крови и, перекрестившись, выпивал, вытирая тряпицей сгустки спекшейся крови с бороды и с губ.

Когда уполномоченный сказал про линию партии, и что она в данный исторический момент пролегла именно по нашей деревне, стало как-то не по себе, но в ответ на вопрос Никитки: «Кто за колхоз?» дружно промолчали.

Тогда уполномоченный заговорил о кулаках и подкулачниках, о текущем политическом моменте и о голодающих детях какой-то эксплуатируемой страны, имени которой никто в деревне до этого не слышал, но, утверждал уполномоченный, дети там голодают только потому, что мы в своей деревне не желаем им помочь. Детишек было шибко жалко, некоторые бабы даже всплакнули, но для мужиков все равно было непонятно, и потому голосовать никто не стал.

Вот в это самое время, когда в президиумном застолье окончательно разыгралась растерянность, и уполномоченный похлопал по голенищу, наверно, проверяя, там ли наган, в это время к столу подошел Филя Задворнов. Он к советской власти никак не относился, но налоги платил исправно, приговаривал, что всякая власть от Бога, хотя в церковь ходил не чаще, чем в сельсовет. Он почитывал книжки и даже выписывал какие-то журнальчики про землю и про скотину.

Филя поклонился в сторону народа и произнес:

— Гражданин уполномоченный человек сурьезный, я и в газетах читал, что колхозы — штука прочная и надолго, потому вступать все равно придется, а чтоб время не терять, прошу вспомнить про Нюрку, что на Заговенье отдавали за Ваньку Федора Евсеевича.

Когда все дружно, под веселый хохот и отчаянное улюлюканье, подняли за колхоз руки, Никитка, чтобы не испортить момента, сам неудержимо хохоча, еще раз окинул орлиным оком большую школьную комнату, подвел итог:

— Записываю всех, так и отметим в протоколе, а заявления оформим завтра.

Только уполномоченный ничего не понял и угрюмо сидел за столом. Его революционное самолюбие было заметно ущемлено, он был подпольщиком до революции, тянул каторгу на рудниках, откуда сразу произведен в члены ревкома и наделен полномочиями комиссара ревполка. Он словом гнал людей на смерть и победу, дважды ранен, на съезде Советов с самим Лениным встречался, тут три часа речь держал, а аргументы какой-то Нюрки оказались и проще, и убедительней.

Наверно, за ужином Никитка расскажет ему, что в канун поста выдавали замуж простую девку Нюрку, и прямо на свадьбе, когда уже застолье подходило к концу, спрашивает перепуганная невеста у матери своей, как ей с женихом ложиться. Мать, женщина строгая, но справедливая, резанула во весь голос: «Ой, Нюрка, как ни ложись, все равно ухайдокат!». Скажи бы она тихонько, может, этим и обошлось, но совет слышали все и потом долго обсуждали, хотя все по собственному опыту знали, что так оно и есть.

Филька Задворнов, кажется, вовремя вспомнил о нюркином вопросе и мамином заверении в неотвратимости счастья семейной жизни.

Потом у нас был колхоз и очень много председателей. Их привозили районные представители в маленьких плетеных кошевках, потому что собрания проводили сразу после Нового года, стараясь не угадать под Рождество, и, хотя церковь в нашем селе ликвидировали еще до коллективизации, в правлении опасались за явку по причине пьянки. Бывало, что председателя до окончания полномочий райком убирал после особенно ущербной зимовки скота или сразу после первого снега, который, оказывается, помешал успешно завершить уборочную кампанию. Снимал и ставил председателей райком, но почему-то требовалось наше поголовное голосование.

Привезенный обычно тихо сидел в президиуме с краешка стола и пугливо озирался, после собрания счетовод Крысантий Спиридонович торжественно вручал ему колхозную печать. С утра новый председатель начинал робко раздавать наряды, бригады тоже предусмотрительно помалкивали, но эти были из местных, они всех колхозников знали по именам, и в такое смутное время старались от коллектива не отрываться.

Что же касается Крысантия, то имечком его наградил крепко обиженный поп, который перед самым крещением младенца пришел в дом родителей новорожденного, чтобы получить необходимые подношения. Папаша, надо полагать, был человек прижимистый, на глазах священника вынес полную пудовку муки и ловко опрокинул в санный ящик. Поп все-таки успел заметить, что пудовка наполнена мукой со стороны донышка, по ободок, муки там фунтов пять, не больше, но промолчал, а на крещении посмотрел в святцы и нарек младенца Крысантием. Против попа не попрешь, так и остался парень с диковинным именем.

Перед самой войной, примерно за год, очередного председателя не в своей кошке увезли в район в сопровождении двух милиционеров. Толи чего где не досдал, толи брякнул по неосмотрительности. Из района приехал один представитель, без подкидыша, вышел вперед стола, привычно расправил под ремнем гимнастерку и громко сказал:

— Райком решил вам, товарищи колхозники, дать право самим выдвинуть председателя колхоза, и потому рекомендует на эту должность хорошо вам всем известного старшего чабана члена партии товарища Ерохина.

Ерохин, или по-деревенскому Ероха, ничем выдающимся знаменит не был, даже чабаном работал как бы по неполноценности, работа эта нетяжелая и бабья, но детей имел много. Любил говорить при случае: «Мы, партийные...». Правда, внимания на это никто не обращал, так и жил Ероха, пока какому-то райкомовскому хлыщу не попала на глаза папка с его данными. И оказалось, что всеми статьями тянет Ероха на председателя новой жизни: из крестьян — беднее не бывает, линию партии блюдет, краткий курс истории ВКП(б) прошел и согласен. Грамотешки маловато, если не сказать, что совсем нет, потому как младшую группу он закончил, а в среднюю отец не пустил, потому что по хозяйству работать надо, а чтобы Ероха не ревел, шепнул ему, что в средней группе ребяташек будут кастрировать. Но в райкоме об этом не знали, конечно.

За Ероху проголосовали, никто слова против не сказал. Сам Ероха был напуган поболее привозных, но против райкома возразить побоялся. Руководил он обреченно, как овец пас. В правление ходил, как на принудиловку, но в райкомовские поездки снимал свои скосопаченные пимы с натянутыми на них литыми резиновыми галошами. Наш деревенский толковый мужик Алеша Крутожопенький всю округу снабдил такими литыми калошами. Штука эта в хозяйстве крайне необходимая, без заказов Алеша не жил, резину поставлял ему свояк с промышленного Урала. И весной, чтобы ловчее было ходить на ферму, председатель тоже заказал калоши на белые чесаные валенки. Алеша снял мерку, и через неделю, с усилием натянув изделие на чесанки, лихо поставил перед заказчиком: носи на здоровье!

Чтобы гладкая резина не скользила по твердому снегу, Алеша выливал на подошве поперечные полоски. И председателю тоже отлил, но так ловко, стервец, изловчился, что большая председательская калоша оставляла на снегу четкую печать: «Ероха». Дня два, наверно, никто ничего не замечал, а потом всех словно разорвало, хохот в деревне стоял, как на вечеринках в старые годы, когда кто-то ловко гасил лампу, и парни щупали девок ко всеобщему восторгу.

Ероха сразу велел заложить выездного жеребца и махнул в район. Говорят, он так ушло все обсказал, что с ним согласились. Сейчас, говорит, колхоз на коленях стоит, вы же не хотите, товарищи партийные, чтоб я его вовсе на брюхо положил? Этого товарищи не хотели. Поговаривали, что главную причину, калоши со штампом, оставили в районе как вещественность, но это наветы, калоши видели потом на Ерохе, когда он опять стал ходить за овечками, только печать с них была уже срезана.

После войны, уже в 1946 году, председателем избрали нашего деревенского Ке-

шу, который на фронт ушел молодым парнем, а вернулся майором и с молодой городской женой. Звали его уже Иннокентием Алексеевичем. Офицерскую форму он, наверное, с год не снимал, только погоны отстегнул. Дела в колхозе, знамо, послевоенные, еще год назад дядя его по материнской линии склад не сумел ревизии показать, так чуть под указ не попал, ладно, самогонкой тогда три дня всю бригаду употчевал, а то бы загремел. При Иннокентии народ отпил. Трактором самолично давил самогонные аппараты под плач и матерки односельчан, все бочонки и фляги из-под браги конфисковал на общественные потребности, бабы на ферме кипятком с крапивой и смородиновыми молодыми ветками не могли сивушный дух вышпарить.

Зато построили клуб и новую школу, мост через Ишим прокинули, на отчетных собраниях председателя ругали нещадно, но избирали заново, а когда Иннокентия хотели забрать в райком, весь колхоз два дня на работу не выходил, правда, это в сенокос было, в аккурат задождило чуть-чуть, так что все кстати, но бучу тогда большую подняли. Пришлось вечером собрание собирать и объявлять людям: «Никуда, мол, я не поеду, жните, что посеяли, чтобы вас жабил...»

«Чтобы вас жабил» — это было его самое большое ругательство.

Когда целина нагрянула, у нас тоже много чего распахивали, не все, правда, в пользу пошло, но поболее, чем у соседей. Выгоны и сенокосы вечные Иннокентий пахать не стал, а вместо этого нашел такие пустошки в первых лесках, что перекрыл все планы и хлеба завез на элеватор столько, что заведующий возмутился: не вози больше, буртовать некуда!

Потом прошел слух, что за целину будут давать ордена и медали, и что нашему Иннокентию привезут геройскую звезду. Наверно, так и должно быть, только сразу после уборки Иннокентий выдал колхозникам на трудодни зерна столько, что во дворах мешков не хватало, и золотую нашу пашеничку вываливали из грузовиков прямо на чисто выметенные ограды. Такая благодать была не везде, соседи стали пенять своим председателям, те пожаловались в райком, и Иннокентия даже вызывали, подвели под него статью, что он, де, идя на поводу и потворствуя частнособственническим интересам своих колхозников, действует в ущерб общегосударственной политике советской власти в деле колхозного руководства. Напрасно доказывал Иннокентий, что перед государством он все выполнил, что колхозник тоже человек, он жрать хочет еще до отчетно-выборного собрания, когда паи распределят. Секретарь райкома, видать, хороший был человек, он прямо сказал Иннокентию, в чем дело: смута в районе пошла, до области донеслось, а в других колхозах все под госплан выгребли, дать придется на трудодень, чтобы только концы с концами... Сказал так же, что Звезда ему теперь уже не светит, обком отдаст другому руководителю. Иннокентия с колхоза убрали, двое суток с перерывами на еду и сон шло собрание, пока не встал секретарь райкома:

— Вы что, хотите своего председателя в тюрьму посадить? Ему же за этот хлеб авансом по трудодням срок полагается. Снимем с колхоза, доложим, что наказан. Не отдадите — силой заберут, ему же хуже. Подумайте.

Думать тут нечего. Мирона Чудинова привезли к нам из соседнего колхоза вроде как на повышение. Грамота у него небольшая, четыре школьных класса да курсы руководящих работников, но работу крестьянскую знал, дела наши шли неплохо. Мирона избирали в партийный орган и в депутаты, но всякий раз все заметнее стали спотыкаться о графу образование. На партийной конференции, когда мандатная комиссия докладывала о достоинствах делегатов, было отмечено, что с начальным образованием — один, и все знали, что это наш Мирон. Обиженный Чудинов пришел к первому секретарю и слезно попросил:

— Впишите мне хоть семилетку, ведь за эти годы я столько курсов прошел!

Ничего ему вписывать не стали, а скоро всех малограмотных округлили и отне-

сли к категории «неполное среднее образование». Тут наш Мирон ожил. Председатель всегда оставлял за собой последнее слово, будь то на заседании правления, на колхозном совещании или на партийном собрании. Чаще всего разговоры и тут вели о производстве, так что Мирон был в своей стихии.

Но однажды случилось страшное. На обсуждение общего партийного собрания колхоза вынесли вопрос о воспитании молодого поколения. Пригласили учителей, весь беспартийный актив, секретарь парткома сделал доклад. Выступили комсомольцы и культработники, директор школы и фельдшер участковой больницы. Мирон вышел к трибуне в самом конце собрания, привычно прошелся по сводкам и врезал осеменатору за плохую случку коров, поговорил о предстоящем севе, об угрозе ящура, только что пришла телефонограмма из района, потом наклонился к парторгу:

— Об чем собрание?

— О воспитании молодежи, Мирон Федорович!

— Да, мы сейчас обсуждает трудный вопрос об молодежи и куда с ней деваться. Конечно, ее надо воспитывать, как учит партия и правительство. Только как ее воспитывать, вот в чем вопрос! Я вот иду на собрание, уже потемочки, а Варвары Филипповны сынок, сломок господень, стоит на клубном крыльце, вывалил его через перила и дует! Так неужто его воспитывать, чтобы он на девятое бревно выссыкал!?

Собрание разделяло основные положения речи председателя, выслушало ее со вниманием и проводило аплодисментами.

Николай Макаров
(г. Тула)

Наш постоянный автор. лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ХИРУРГИЯ **рассказ-быль почти по Чехову**

В начале двадцатого века Эмиль Кроткий изрек сакраментальную фразу: «Зубная боль — ерунда, если зуб болит у другого».

Ясен пень, Лешке Альховику — до лампочки этот самый Кроткий с его долбаным афоризмом. У Лешки Альховика зуб, вернее то, что находилось под коронкой вонзилось в мозг раскаленным, безжалостным броском гюрзы ровно через десять часов после выхода на караван. Хотя, как боль с левой нижней «семерки» шарахает по мозгам — не поймешь этих медиков с их анатомией.

И, ясен пень, ни ожидание каравана, ни адская боль под адски жгучем афганским полуденным солнцем никак не настраивали на лирический лад. Понятно — духовский караван от разведчиков никуда не уйдет, но когда уйдет...

Короче, об этих четырех кошмарно-мучительных днях — лучше не вспоминать.

...Бросив автомат брату-близнецу Сашке, Лешка, что твой рысак, помчался в ПМП — полковой медицинский пункт, предвкушая сладострастные мгновенья по случаю избавления и от мук, и от боли, и от этого злосчастного пылесоса... тьфу, ты — зуба под коронкой.

Рванув дверь медпункта, конечно же, он увидел картину из того, далекого мирного советского прошлого, увидел лениво дремавшего «на тумбочке» дневального.

— Где зубодер, тудыть твою растудыть?

Подскочив от страха, дневальный, запинаясь, проблеял:

— Никого нет!

— ?

— Ни одного врача нет. Все в медсанбате, помогают там.— Продолжал бляеть испуганный дневальный.— Я — один здесь.

Зная не понаслышке круто-драчливую репутацию разведчиков братьев-близнецов Альховиков, державших в страхе весь личный состав полка, дневальный растекся по стене, пытаясь прикинуться то ли ветошью, то ли портянкой, на худой конец — мешком с картошкой.

— Сколько служишь? — рыкнул Лешка, поднося грязный кулак к носу дневального.

— Пол... полгода.— Вновь проблеял, еще толком не понимая, что от него хочет поиметь этот близнец, то ли — Лешка, то ли — Сашка.

Схватив полуобезумевшего дневального за шиворот, Лешка (конечно же, Лешка), поволок бедолагу к кабинету «зубодера».

— Ты будешь удалять мой зуб!?!

— Я... я... я не умею!?!

— Или ты мне удалишь больной зуб,— Лешка опять поднес грязно-грозный кулак к носу дневального,— или я тебе выблюю все зубы. В конце концов, ты — десантник или где?

Удобно устроившись в кресле, Альховик напомнил дневальному:

— Руки, руки, сучий потрох, мой лучше.

— Я не знаю как...

Лешка не дал ему договорить:

— Вон, на стене висит плакат.

Да, на стене висел плакат со сверкающе-здоровыми зубами, демонстрируя все прелести какой-то там зубной пасты.

— Видишь — лежат щипцы,— болезный наставлял вновь испеченного зубодера.— И, как клещами гвоздь, вырывай зуб. Не бойсь. Пока бить не буду.

Дневальный, еще дрожа от только начинающегося кошмара, взял злосчастные «клещи», зажал ими больной зуб и что есть силы рванул на себя. Посмотрел вместе с Лешкой на результат «зубодерства» — в «клещах» сверкала кроваво-красная коронка. Дневальный вытер салфеткой окровавленные губы пациента.

Боль, вроде, немного приутихла. Лешка осторожно провел языком по ранке. В ней нагло, чуть не оцарапав язык, торчали три не вырванных корня.

— Рви их тоже!

— Не знаю — как!

Лешка тоже не знал — как. В это время на их счастье — есть все же десантный Бог на свете — забрел и заглянул в зубокабинет какой-то солдат за таблетками от поноса.

— Ты... — рыкнул на него Альховик,— посмотри в шкафу, может какой букварь по-зубодерству найдешь?

Второй раз фортуна повернулась к ним лицом — в шкафу пылился учебник по стоматологии.

— Ищи картинку, как вырывать зубные корни.

Совместными усилиями картинку отыскали. Вновь пришедший помощник, у которого моментально прекратился понос, зажал Лешкины ноги, а, вошедший во вкус и уже совсем не дрожащий, дневальный принялся за стертые «афганцем» корни левой нижней «семерки».

Без обезболивающих, без асептики и антисептики, без элементарного медицинского образования (по-русски говоря, с ломом и какой-то матерью) два солдата, взрезав десну с обеих сторон (учебник-то — на что?) удалили все корни у Лешки Альховика.

...Через три дня, как ни в чем не бывало, братья-близнецы: и Лешка, и Сашка в полном здравии со своей разведротой отправились на очередной караван.

ПИНДОСЫ

Десять лет назад, аккуратно под Новый год, начал собирать и публиковать материалы о тульских афганцах. Одним из первых — очерк о Сашке Кравченко, который мне

поведал о «пиндосах». Мне это слово ничего не говорило. Пиндосы и пиндосы: мало ли кто и как в разные времена называл этих янок.

По закону жанра далее следует...

И вдруг узнаю про подноготную этих самых пиндосов. Но вначале отрывок из очерка «Он по-китайски шпрехает» из книги «Афганцы Тулы».

...Кто из нас знает, что у каждого генерала армии США имеется своя личная наградная медаль, которой он имеет право направо и налево награждать не только своих подчиненных? Еще меньше знатоков найдется, кому известно, что главный сержант сухопутных войск армии тех же США приравнивается к генералу: по крайней мере, по вопросам награждения своей личной медалью.

А наш земляк, гвардии майор запаса Александр Кравченко — десантник, разведчик, бегло говорящий на английском и разговаривающий с запинками на китайском, да просто хороший парень — награжден вышеупомянутым сержантом своей медалью за № 812. Вот так.

Из Югославии Кравченко «привез» кроме этой, с щедрого плеча штатовского сержанта, медали еще и Грамоту командира 101-го разведывательного батальона армии США подполковника Ровинье (фамилия — в русской транскрипции) «За спасение солдатских жизней», ООНовскую медаль «На службе миру» и наш Российский орден «За военные заслуги».

— *И сколько ты жизней спас?* — задаю вопрос Саике Кравченко (для меня он: Саика — вместе служили целых восемь лет в одной дивизии и потом неоднократно пересекались наши гражданские пути-дороги) — *И, главное, чьи жизни?*

— *Сербь стреляли по американцам, албанцы стреляли по русским. Посадил на наши БТРы американцев и они спокойно, без потерь патрулировали с нашими солдатами по сербской территории. И наоборот — вот и весь секрет.*

— *Ты входил в состав штаба миротворческих сил ООН. Случались какие-то — как бы помягче выразиться — нестыковки с нашими «заклятыми друзьями»?*

— *Какие там нестыковки? Хорошо, пара случаев. Мы, русские, называли, не знаю, откуда это пошло, всех американцев «пиндосами». Однажды их бригадный генерал просит меня, чтобы я сказал командиру русского батальона о прекращении обзывания их солдат непереводимым и непонятным, но от этого не менее оскорбительным, словом. Командир строит батальон и командным с нашим национальным ненормативным колоритом громовым голосом вещает: «С этой минуты чтобы этих пиндосных пиндосов пиндосами не называть!». Или другой случай. Американцы — ребята простые. В армию призывают, как и у нас, с восемнадцати лет, а пиво разрешают продавать только достигшим двадцать один год. Я им и говорил: «Умирать разрешается в восемнадцать лет, а пиво пить в двадцать один — где же ваша хваленая демократия, где логика?». Все, с этих пор стали меня звать в переводе на русский «Создающий трудности»...*

Оказывается, что на территории своей дислокации все американцы могли ходить, бегать, отдыхать, загорать хоть в плавках, но за пределами колючей проволоки — только в полной амуниции: бронежилет, каска, оружие и все остальное, согласно перечню. И не дай Бог нарушить американский Устав, и не дай Бог такого нарушителя ранят или убьют, тогда — громадный штраф, лишение всех и всяческих льгот и увольнение (если только — ранение) без выходного пособия.

Облачившись согласно описи, американцы были просто не в состоянии передвигаться нормальным шагом, а переваливались с ноги на ногу как пингвины.

И... ларчик открывался просто.

По-сербски пингвины — правильно, угадали — пиндосы, те самые — американские вояки-пиндосы.

ЛЕВОСТОРОННИЙ КНУТ

рассказ-быль

Если в стаде не одна, а три паршивые овцы? А если это — не овцы, а трое солдат-дембелей дагестанской национальности в роте? Это вам — не хухры-мухры, тем более — не мухры-хухры.

С такой проблемой столкнулся, только что прибывший на новое место службы, командир роты (не будем называть его фамилию за давностью времен) Кировабадской воздушно-десантной дивизии (за давностью времен и эта дивизия канула в Лета, оставив после себя только тяжкие ностальгические воспоминания).

Нет, эти дембеля — справедливости ради надо отметить, что полтора года они несли службу исправно, добросовестно, о чем красноречиво говорили две младше-сержантские лычки (какой дагестанец — не командир!) на их погонах — оказались еще теми «дембелями»...

Кошмар, один кошмар: они не пререкались, не дерзили, а выслушав команду командира, лихо подбрасывали правую руку к голубым беретам, четко отвечая: «Есть!». И... и ничего не делали. Просто уходили в укромный уголок (в каждой части полно таких укромных уголков) долой с командирских все видящих глаз. Мало того: глядя на такое наплевательско-пренебрежительное отношения к требованиям командира, другие, всякие разные ротные «черпаки», «салажня» и далее — по списку, также расхлябанно-разгильдяйски стали относиться к своим обязанностям.

Мысль идти к командиру полка за помощью в наведении уставного порядка ротным и замполитом даже не рассматривалась в принципе. В сложившейся ситуации нужны какие-то другие нестандартные, где-то даже левосторонние действия (типа — левостороннего болта, или, учитывая местный колорит, левостороннего кнута) на их хитроумные ж... жизненные принципы — действия, не подпадающие (избави Бог!) под статьи УК и Дисциплинарного Устава Советской армии. И за рюмкой кировабадского пятизвездного, ни чем не уступающего знаменитому, так полюбившемуся Черчиллю, армянского аналогичного напитка, решение как бы само созрело после третьей (дело святое — третий тост!) порции чая. Присутствие замполита в таком деле сразу, автоматически превращало употребление этого напитка не в банальное чаепитие, а в продуманное мероприятие.

Не откладывая дело на завтра и послезавтра, здесь же, в ротной канцелярии, общими командирско-замполитовскими усилиями, особо не заморачиваясь дипломатическими изысками, сочинили три одинаковых письма родителям означенных бойцов.

Самих же нарушителей ротного — не Багдадского — спокойствия отправили на Гарнизонную гауптвахту: был бы солдат, а предлог для «отдыха» на «губе» всегда найдется. Хотя для наших антигероев, по правде говоря, и выдумывать ничего и не нужно.

Скоро не только сказка сказывается, но и почта в те далекие советские времена ходила согласно тарифному расписанию. И в рассчитанное время: письма — туда, рысаки — обратно (Дагестан-то от Кировабада — рукой подать). Седобородые отцы младших сержантов прискакали сей минут в парадных национальных одеждах с огромными кинжалами за поясами. И сразу, не отряхиваясь от дорожной пыли, — на злосчастный плац гарнизонной гауптвахты, где на левом фланге шеренги таких же нарушителей в безмятежном спокойствии, ничегошеньки не подозревая, обретались их сыновья. Коих в этот, отнюдь не радостный для них день, переодели в стиранное-перестиранное, старое-престарое, если точнее — переодели (естественно, специально для такого случая) в рванье дервишей, но... но с двумя младшесержантскими лычками на погонах.

Далее — картина Репина «Приплыли», или другая — «Отплыли и утонули». Взглянув на своих отпрысков, старший аксакал произнес только одну фразу: «Вы нам — не сыновья!», и вся экзотическая троица, лихо развернувшись, поскакала обратно в свои горы, бормоча молитвы Аллаху.

Младшие сержанты — их никто и не думал разжаловать обратно в рядовые — полчаса стояли лотовскими соляными столбами, не в силах произнести что-либо членораздельное.

...Оставшиеся полгода службы эти бойцы являли собой наглядное пособие всех Уставов Советской армии, способствуя наведению образцово-показательного порядка не только в роте, а во всем парашютно-десантном батальоне.

Как-то так...

Михаил Смирнов
(г. Салават, Башкортостан)

УРОЖАЙНАЯ ПОРА

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова

В сарае загремели лопаты. Распахнулась дверь, и во дворе появилась теща, одетая в застиранный синий халат, в косынке, из-под которой выбилась прядь волос, и в галошах на босу ногу, и принялась прислонять к забору разнокалиберные лопаты.

— Кольк, слышь меня,— она крикнула и повернулась к крыльцу, где сидел зять.— Сынок, что хочу сказать... Возьми подпилочек. Лопаты поточи. Завтра начинаем картошку копать.

Сказала и опять скрылась в сарае и чем-то загремела.

— Знаю, что завтра,— буркнул Колька вслед.— Зачем каждые пять минут напоминать-то. Сейчас наточу...

Колька поплевал на окурок, затушил его и кинул в помойное ведро, стоявшее под умывальником возле крыльца, и поднялся, поддернув старое трико. Скрылся на веранде, а потом снова появился и, перетаскав лопаты к крыльцу, молчком принялся точить: вжик-вжик-вжик.

Завтра будет много работы. Колька искоса взглянул на огород, который полосой протянулся от бани и до самой речки. Они с женой каждый год старались взять отпуск или отгулы, чтобы помочь с уборкой картошки. Это сажать легче. Приходят соседи и всем гуртом сажают, а потом к следующему идут, и так, пока не закончат. А вот копать — это тяжелее. За один день не управишься. Так вымотаешься, руки-ноги не шевелятся. А теще не на кого надеяться, кроме как на Кольку и дочку. Сыновья давно разъехались и редко появляются. И по весне, когда нужно сажать картошку, Колька, приезжая в деревню, всегда говорил теще, зачем она столько сажает, если живет-то одна, а она в ответ: «Ну, как же без картошки-то? Нельзя! Вам выделю, сыночкам отправлю, для скотинки оставлю, а мне тоже надо покушать, а еще на семена оставить и немного на всякий случай придержать — мало ли... да чуток продам, а еще обменяю на арбузы и с вами поделюсь. Видишь, какая польза от картохи? Поэтому и сажаю!» Старшие сыновья давно перебрались в город. В деревню редко приезжают, и то стараются летом выбрать время, чтобы отдохнуть, чтобы на речке посидеть с удочками, ссылаясь на тяжелую городскую жизнь, или будут весь день валяться на кровати, изредка появляясь на кухоньке, чтобы пожрать, а потом опять скроются за занавеской, и не дозовешься — они отдыхают.

А Кольке нравилась деревня. Здесь было что-то такое особенное, чего ему в городе не хватало, да и будет ли это в городе — вряд ли. Он не мог объяснить, чем его привлекала деревня: природой или деревенскими жителями с их медленными долгими разговорами, а может своей неспешной жизнью, потому что время здесь по-

другому идет, тягучее какое-то, замедленное... Утром примешься за дела, вроде, не торопишься, а к вечеру взглянешь и удивляешься, сколько успел за день перелопатить. А в городе — суета. Туда-сюда носишься, все задуманное стараешься переделывать, везде побывать, а вернешься домой и еле ноги тащишь, устал, как собака, взглянешь, а сделано-то так себе — курам на смех. В городе, как принято говорить, жизнь намного интереснее: театры там, магазины всякие, выставки да музеи — ходи и ходи, но все это Кольке почему-то приедалось, оскомину набивало. Ну, раз сходит на выставку, второй и третий раз, кажется, все новое, а в то же время, словно уже это видел — актеры разные, а декорации одни и те же. Правда, в городских магазинах товаров намного больше, чем в деревне. Полки ломились от всяких товаров — бери и радуйся, ан нет, забежишь после работы, не ходишь по магазину, разинув рот, а быстренько купишь, что нужно, и домой торопишься. И торопишься для того, чтобы весь вечер просидеть возле телевизора, и спать завалиться, а утром снова бежать на работу. И так каждый день, из года в год. Вся жизнь словно по кругу: бежишь, да бежишь... Колька не понимал, почему тянет в деревню. Сам-то в городе родился и жил, а когда женился, повадился ездить в деревню, и было такое чувство, будто все знает здесь: каждый бугорок, каждый камушек знаком, но главное — нравилась деревенская работа. За все хватался, а если не понимал, внимательно присматривался, как другие делают, и повторял за ними. Не бегал от работы, а сам искал, чем бы заняться...

А вечерами ходили к речке. Там на обрывчике была вкопана скамейка — это еще тещь поставил. Его давно нет, а скамейка стоит. И Колька с женой повадились туда. Сидели вечерами, смотрели на горы, что были на другой стороне, но разговаривали мало — больше слушали. Речка шумит, с ними разговаривает, а там птицы устраиваются на ночь, а чуть подальше плеснула рыба в реке, а над головой чернущее небо и по нему звезды: большие и маленькие, яркие и не очень, и все смотрят на них и подмигивают, а за спиной деревня затихла. Ночь... А бывало, что переделывали дела, выходили на крыльцо и сидели. Отдыхали. Соседи заходили на огонек, и начинался долгий разговор. О чем? Да ни о чем, так, вроде все вокруг да около ходили, а оказывалось, за жизнь поговорили, всю перебрали по камешку, по зернышку, по маленькой пылинке и все незаметно так, ненадоедливо...

И Кольке было интересно сидеть на крыльце и слушать, о чем говорят соседи да изредка отвечать на вопросы. Кто-то спрашивал про городскую жизнь или работу, другой буркнет, что в городе жить легче. Глянешь, вроде бы завидует, но зависть какая-то вялая, а скажи ему, чтобы в город подался за легкой жизнью, так руками-ногами станет отмахиваться, потому что где человек родился, там и пригодился, как постоянно говорила теща, но для Кольки делала исключение. Давно заметила, как его тянет в деревню...

Наступал вечер и Колька появлялся во дворе. Выйдет, присядет на ступеньку, закурит, а то и просто так сидел. Прислонится к перилам и слушает соседей, а они сидят и неторопливо разговаривают. Один что-нибудь спросит — и тишина. Потом ему отвечают — и снова тишина. Сидят о чем-то думают или просто отдыхают, да изредка перебрасываются словами, словно время тянут. А что тянуть-то его — это время, ежели и так оно тягучее. В городе давно бы спать завалились, а здесь сидишь и не замечаешь — это время. И расходились так же медленно. Один зевнет, встанет и потягивается, попрощается со всеми и тихонечко подается со двора. Чуть погода другой поднимается и тоже уходит, следом еще поднялись и в калитку, а там уж самим спать пора. Пока расстелют диван, на нем жена спала, теща на кровати за голландкой, а Колька позже всех уходил на веранду и там ложился. А бывало, брал старое лоскутное одеяло, подушку и взбирался на сеновал. Бросит одеяло на духмяное сено, подушку в изголовье, уляжется, вздохнет поглубже и задержит дыхание, словно мед испробовал. Лежит, руки за голову, отовсюду разнотравьем пахнет, аж голова кругом

идет, веники березовые висят, удивительно, когда теща успевала заготовить, и не замечает, как засыпал. Казалось, едва прилег, а на улице петухи устроили перекличку. Все, пора подниматься. Утро наступило. Пора за работу браться...

— Кольк, а Кольк, — донесся голос тещи. — Скажи Верке, чтобы обед согрела. Я пока на огороде повожусь, — а потом опять крикнула. — Ладно, сама покличу... — и тут же громко. — Верка, поди сюда!

— Что расшумелись? — дверь приоткрылась и появилась Веркина голова. — Всех соседей перепугаете. Блажите во весь двор...

— Ставь чугунок на плиту, — опять крикнула теща из-за забора. — Своего мужика корми. Солнце высоко. Пора обедать, а он голодный сидит.

— Обойдется мужик, — заворчала Верка и отмахнулась. — Он работой занимается. Не отвлекай его.

— Как это так — обойдется? — всплеснула руками теща. — Корми, кому сказала!

— Верка, — протяжно крикнул Колька, продолжая вжикать по лопатам. — Тебе сказано, разогревай обед. У меня кишка кишке протокол пишет...

— Отстань! — выглянула Верка, и поправила подол коротковатого платья. — Когда лопаты наточишь, тогда накормлю.

— Теща велела, — захыкал Колька, покрутил лопату в руках и отставил в сторону. — А тещу нужно слушать. Разогревай!

Он повысил голос.

— Ишь, спелись, субчики-голубки, — шутливо заворчала Верка, дунула, поправляя прядку волос, и скрылась в избе. — Ладно уж, так и быть, мойте руки. Покличу...

— Верка, — опять позвал Колька, дождался, когда она выглянула, и сказал. — Притащи кусочек халвы, какую в магазине купили. Сейчас вспомнил про нее, чуть слюной не захлебнулся. В городе не такая, и не спорь со мной. Здесь вкуснее, а ты говоришь: старая, старая и липкая, как пластилин...

— Ага, отщипну с грязными руками, — она кивнула на тряпку и дунула, поправляя челку. — Обойдешься! Вон, лопаты точи, а то без обеда оставлю.

Сказала и опять скрылась в избе.

Колька тягуче сплюнул. И правда, в городе возьмешь халву, она свежая, аж слотится, но все равно вкус не такой, как в деревенском магазине. Сюда приедешь, зайдешь в магазин, и пялишься на витрины. Вроде бы выбрать нечего, глянешь на полки, там крупы, всякие консервы, спички и соль, пряники черствые, карамельки лежалые, а про халву и говорить нечего — сплошной липкий комок, а купишь немного этой халвы, отщипнешь кусочек, и чвалдыкаешь во рту, катаешь от щеки к щеке, а халва чуть горьковатая, но в то же время в меру сладкая, и с каким-то орехово-семечным привкусом, да еще к зубам пристаает, но такая вкусная, аж готов сразу целый килограмм взять и сидеть, потихонечку отщипывать по кусочку и катать во рту, пока не растает... Колька звучно слотнул и прислушался. Жена на стол собирает. Они еще вчера прикатили в деревню. На попутке доехали, чтобы быстрее добраться, а то полдня просидели бы на автовокзале в райцентре. Спрыгнули на землю, Колька взглянул по сторонам, а там по склону горы березки желтеют — золотом покрылись, в палисадниках рябинки раскраснелись, а вдалеке боярышник огнем полыхнул, с огородов горьковатым дымком потянуло и еще чем-то, и небо над головой синее-пресинее, какого в городе не увидишь. Колька вздохнул. Зажмурился и заулыбался. Наконец-то, приехали...

Не одним днем готовились к картошке. Заранее приезжали, чтобы погреб и подпол почистить. Колька внизу был, а жена с тещей вытаскивали ведра с землей и мусором. Потом наладил отсеки. Дальний под семена, потому что туда лишь по весне сунешься, а ближние для еды, на продажу и так, на всякий непредвиденный случай, а в подпол опускали только на еду. Там отсек для картошки и с трех сторон полки для

солений-варений. Все продумано до мелочей, куда и что будет ссыпать и укладываться. Когда подготовили, настужь распахнули, чтобы проветрить и просушить. Теща уложила мешки на видном месте. Вдоль забора стволы лопат виднеются и пару вил на всякий случай. В сарае закуток приготовили, куда мелочь ссыпать...

А сейчас Колька сидел на крыльце. Заточивал лопаты и проверял черенки, а некоторые заменял на новые. Не торопился. Знал, завтра начнется тяжелая работа. Ладно, Тимоха пообещал прийти. Уж полвека прожил мужик, а все в деревне, от мал до велика, его Тимохой называют, а он не обижается. Всегда улыбается и всем соседям старается помочь. Хороший мужик, а здоровенный — страсть! Колька за глаза его прозвал Ильей Муромцем. Едва наступала весна, Муромец скидывал обрезанные валенки по щиколотку, сбрасывал необъятный полушубок, а шапку вообще не признавал, и ходил в тесном пиджачке и в подвернутых штанах, а сам босиком. Еще снег лежит, грязь непролазная, а он шлепает босиком по деревне и ему хоть бы хны. И так до глубокой осени, пока снег не ложился и лед не вставал...

Солнце село, по насыпной дороге медлительно прошло стадо, и теща заторопилась доить корову Зорьку, рыжую с белым большим пятном на лбу. Верка хлопотала в задней избе, чем-то на кухне занималась. А Колька присел на крыльце. Закурил. Прислушался. Мычали коровы по деревне. Там и сям заблеяли овечки. Опять, наверное, по кустам разбежались. Теперь до ночи будут хозяева собирать, разыскивать своих овец.

— Здорово, Колька, — за забором стоял Тимоха Муромец в расстегнутой до пуза рубахе и, как обычно, босиком. — Что сидишь?

— Отдыхаю, к завтрашнему дню готовлюсь, — сказал Колька и похлопал по ступеньке. — Заходи, Тимоха, покурим.

— Не, не хочу, — отмахнулся Муромец. — Все приготовили? А мы сегодня докопали картоху. Ужас, сколько уродилось! Но, слава Богу, убрали! Теперь голова не будет болеть, хватит или нет картохи до следующего года. Хватит и еще останется. Ага... Я уже договорился, что часть сменяю на арбузы. Со дня на день покупатели появятся. Говорят, что мешок на два меняют. И вы меняйте. Все не покупать, не тратить деньги. А так, сами вволюшку наедитесь, да засолите на зиму. А зимой арбузы — еще та закусь! Я каждый год солю. Ага...

— Завтра посмотрим, сколько картошки накопает, — Колька кивнул в сторону огорода. — Теща курня два-три подкапывала, говорит, ничего уродилась, нормальная. Завтрашний день покажет, на что рассчитывать. Главное, чтобы теще хватило, а мы уж как-нибудь переберемся.

— Хорошая уродилась, хорошая, — сказал Тимоха и громко зевнул. — За бабой так не ухаживаешь, как за картохой. Пололи, окучивали, твоя теща над каждым кустом тряслась, чуть ли не молилась, а может чего и шептала — кто знает. Сам видел, какие крепкие кусты стояли — загляденье! — и опять повторил. — Хороший урожай будет, хороший.

— Твои слова да... — прыснул Колька и спросил. — А ты придешь?

— Конечно, приду, — загудел Тимоха Муромец. — Подмогну вам. Девки собирать будут, а мы копать. Кто еще придет?

— Дядька Ефим с женой обещал приехать, — пожал плечами Колька. — Но все равно, думаю, денька за три должны управиться. Пока выкопает да переберем, а потом еще свезти нужно. Теща насчет лошади договорилась. На телеге перевезем. Главное, чтобы дождя не было.

— Правду говоришь, лишь бы погоды не подкачали, — Муромец взглянул на небо. — Нам повезло. Управились. Сухую картоху заложили. Ну, ладно, Кольша, я пойду. В баньку схожу и на боковую. Притомился чуток...

Он протяжно зевнул и неторопливо направился по дороге.

Небо выяснило. Осенние звезды не такие яркие, как летом, но все равно словно

россыпь над головой и перемигиваются, а там одна пропала, лишь чиркнула по небу и все — исчезла, а вдалеке поблели звезды, видать, облачко натягивает. Колька долго сидел в темноте. Слушал, как засыпала деревня, все реже мычали коровы да звенели подвойники, лишь неугомонные собаки то тут, то там взлаивали и тут же умолкали от грозных окриков хозяев. Но вскоре и они притихли. Наступила ночь. Колька поднялся. Еще раз взглянул на небо и посмотрел в сторону огорода, а потом направился в избу. Пора спать. Завтра будет много работы...

Утром, когда рассвело, Колька вышел на улицу. Постоял на крыльце, оглядывая двор. Теща уж давно поднялась. Завтрак сготовила, корову в стадо проводила, а сейчас корм курам задает. Колька глядел на нее и удивлялся, как она успевает справляться со всем хозяйством. Корова с овечками да еще всякая живность, а кроме этого участок с огурчиками-помидорчиками, да всякой зеленью, которая и летом в охотку хорошо идет, а уж зимой тем более. А рядом с грядками кочаны капусты виднеются. Много! Теща любила квашеную, и кочанами засаливала, и всякие салаты на зиму готовила, не говоря уж про соленые грибы, какие очень уважала, да если еще под картошечку... Зимы-то долгие — все уйдет. И картошки насажено — уйма! Сыновья укатили, почти не появляются. Тесть помер. Осталась одна. А картошки столько сажает, сколько при большой семье бывало...

На картофельных полосках там и сям замелькали фигурки. Торопятся, убирают, пока хорошая погода стоит. В низинках поплыла дымка, а над речкой туман закрутился, цепляется за кусты и деревья, наползает на обрывистый бережок и тут же исчезает под лучами яркого, но все-таки холодноватого осеннего солнца. А по берегу кусты золотом усыпало, и там, на другой стороне, по склону березки засверкали, а вот трава пожухла, к земле прижимается, зиму холодную чувствует...

После завтрака, подхватив лопаты и ведра, по тропке прошли на огород, что протянулся полосой до речки. Остановились. Пока теща разговаривала с соседями, Колька спустился пониже и приготовил место. Сюда будут носить картошку и высыпать в кучу, чтобы обсохла и проветрилась. Таких куч будет три-четыре на полосе. Он подготовил первую и вернулся. Закурил, поглядывая, как к ним неторопливо шагал босоногий Тимоха Муромец с лопатой на плече.

— Ну, ребятки, примемся? — сказала теща, взглянув на них. — Я выкопаю первую полоску, потом встанет Колька, за ним Тимоха, а мы с Верочкой будем собирать. К обеду подъедет Ефим с женой. Обещал.

Она взяла лопату. Подошла к крайнему кусту. Остановилась. Оглянулась на огород, о чем-то задумалась, потом быстро стала шептать, размашисто перекрестилась и взялась за лопату.

— Ну, с Богом! — сказала она, и вывернула большой курень картошки. — О, какая крупная! Добрый урожай соберем, добрый, — и быстро выкопала первую полоску. Остановилась. Взглянула на Кольку. — Ну, хозяин, начинай, — сказала теща и отступила в сторону. — Веди всех за собой.

Колька, гордый, что его назвали хозяином, поудобнее перехватил лопату. Тоже, как теща, оглянулся на большой огород, потом на соседей, которые там и сям уже вовсю копали картошку, откуда-то пахнуло печеной картошкой, он посмотрел на утреннее осеннее солнце, на березы, что золото рассыпали по склону горы за рекой. Помедлил, и воткнул лопату, поднатужился и вывернул курень крупной, с кулак, а то и поболее, картошки и, не оглядываясь, шагнул к следующему кусту, зная, что следом идет Тимоха Муромец, и тут же зазвенели ведра — это жена и теща неторопливо собирали картошку. День начался, а впереди еще...

Осень — урожайная пора...

Алексей Яшин
(г. Тула)

Фото из Википедии ©

КОНСТАНТИНОВСКИЙ РУБЛЕВИК НА ШЕЛКОВОМ ПУТИ

Из жизни коллекционеров

*Гостинодворцы китайский товар
раскладывали и ожидали оживления
промышленности.*

М. Е. Салтыков-Щедрин «Сказки»

♦ В школьные годы Николай Андреевич*, не отставая от сверстников, умеренно коллекционировал старые монеты и ассигнации, марки, значки, спичечные этикетки, пистолетные и иные гильзы, а если попадались, то и заряженные патроны, а став с шестого класса юным радиолюбителем,— резисторы, конденсаторы, катушки индуктивности, радиолампы и только входящие в обиход полупроводниковые диоды и триоды, уже зовущиеся по-нашему *транзисторами*. Хотя, хрен редьки не слаще, последнее английское слово и переводится как полупроводник... Отец его Андреев, боевой морской волк, хорошо державший в голове годы борьбы с иностранщиной в русской речи, и привел ему пример этих двух горьких на вкус овощей, разъяняя, впрочем, тоже пословицей: «Назови хоть горшком, только в печь не ставь!» Поскольку же, как потомок скупых на слова староверов, на отвлеченные от обыденных и служебных дел интересы говорил только в поджарый свой организм пару-тройку стопок «злодейки с зеленой наклейкой», что являлось крайне проблематичным в полностью «сухих» владениях Северного флота, к коим принадлежал ихний город Полярный, то и беседы со школьником-сыном случались редкими. Значит, следуя науке психологии, тем крепче и на всю последующую жизнь запоминались Николаю меткие и к месту определения отца.

Вот с таким почти трехмесячным перерывом — на Новый год, святое дело, мать выдала Андрееву заветную значенную бутылку горькой, а в самом конце марта месяца приехал с недельку погостить у родителей старший из пяти сыновей, уже живший своей семьей в не очень далеком, но уже с вольной продажей спиртного Оленегорске — наш шестиклассник накрепко затвердил два философских определения отца, на короткое время разговорившегося на отвлеченные темы. При употреблении иностранных слов вместо русских: ...умеренно (при детях же!) нецензурно, но в том наклонении, что, исключая ученые греческие и латинские слова, а также англо-голландскую военно-морскую терминологию, иностранщина в речи есть вернейший признак и показатель высокой степени природного тупоумия и близости к нашим предкам-обезьянам с их подражательными ужимками.

---

* Николай Андреевич и Игорь Васильевич Скородумов — наши постоянные персонажи; см.: Алексей Яшин. Задушевные беседы об умозамещении (восьмая книга рассказов Николая Андреевича): Роман-новеллино / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2017.— 343 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).— В электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru.

Прервавшись на тост за здоровье всех пятерых собравшихся сыновей (пили только двое старших, преступивших уже давненько порог совершеннолетия) и благополучное завершение прошлогоднего Карибского кризиса, Андреян закончил про иностранщину: «...Еще естественным представляется название вин: «Шато дэ икэм», «Абрау-Дюрсо»... опять же грузинский коньяк «Грэми». Словом, все не по-русски звучащие названия и иных предметов, завезенных из стран их изготовления. Но вот когда женщина, она же баба, щеголяет иностранными словами, обычно не к месту, то это как седло на корове!»

А в новогоднее разговенье отец разъяснил Николке самую суть коллекционирования: «Это с какого боку-припеку посмотреть. Вроде как и Плюшкин, которого ты по школе знаешь, а с другой стороны к частной собственности, которую в год моего рождения у нас ликвидировали, наблюдается склонность. Собирай лучше марки и монеты; будешь хорошо знать географию и историю, соответственно,— и, промолчав с полминуты, добавил,— впрочем, жадности в твоём характере не имеется, то есть, когда придет время за девками приударить, на том твоё коллекционирование и завершится».

Дальше Андреян перешел на личности, то есть в очередной раз вспомнил Виссариона* с Седловатого маяка, страстного коллекционера, выцганившего-таки у него за неполную литровку казенного спирта золотую английскую гинею, что в войну подарил Андреяну британский лейтенант-переводчик Джеймс Лэнг на память о совместной службе на острове Торосе, что севернее Седловатого... мористее, как в тех местах говорят.

Из всех своих собирательств, исключая, конечно, радиолобительство, которому он отдавал все свободное время, Николка наиболее серьезно относился к монетам и бумажным деньгам, ревнители которых на языке коллекционеров именуются нумизматами и бонистами, соответственно. По сравнению со всеми другими предметами собирательства это полагалось им наиболее солидным в глазах одноклассников и вообще знакомой ребятни. Одобрял и отец, отдавший «на зубок» несколько царских и иностранных монет, собственно и положивших начало любительской коллекции. Из отцовых монет особо приглянулись ему серебряный полтинник РСФСР двадцать второго года и алюминиевый франк сорок второго года республики Виши маршала-предателя Петена с изображением гильотины, к казни на которой он и был приговорен судом после освобождения Франции, но де Голль человеколюбиво заменил ее на пожизненное заключение... Заинтересовавшись, Николка отыскал в районной библиотеке — тогда еще Полярный, а не Североморск являлся райцентром — пару тройку книг по военной истории, прочитал их и впоследствии даже учительницу порадовал своими познаниями в части Франции нашего века. «Вот видишь,— одобрял отец,— пятерки как с куста хватаешь, а всего лишь из-за одной монетки! Не переключай курс, следуй и дальше этим любознательным путем».

Как ни странно, но в сугубо военно-морском городе Полярном, в котором весь народ временно-пришлый, без местных корней, Николка собрал увесистую пачку ассигнаций, в основном, царские «синенькие», «зелененькие», «сашеньки» и «катеньки» разных годов печати, совершенно диковинные кредитки послереволюционных лет: «керенки», донские, советские времен Гражданской войны, колчаковские и вплоть до уездного махновского тисканья — все в номиналах от сотен до десятков и тоже сотен тысяч рублей. С такими же цифрами ассигнации — и откуда они здесь

---

* Реальное лицо: Виссарион Попов. Один из строителей уникального звуко-светового маяка на острове Седловатом — на выходе из Кольского залива. Он же известный в стране в 60—70-е годы филателист, издавший обстоятельную книгу о почтовых марках, посвященных Северу. Автор смутно помнит его по раннедетским годам, когда семья проживала на Седловатом.

взялись? — Веймарской республики, то есть Германии начала двадцатых годов, и даже оккупационные немецкие марки как Первой, так и Второй мировых войн. На недоуменный вопрос сына о «хождении» среди пацантвы нашего чисто военного, заполярного и вообще основанного на диком месте всего шестьдесят лет назад города таких денег Андреян и указал как раз на стопроцентно пришлое со всей страны население города: «Гм-м, впору иному особисту в штабе флота задуматься: что за мореманы у нас служат по своему происхождению, если с собой и на край света память о Колчаке, Махно, Керенском и белоказаках захватывают?» Николка усмехнулся на шутку отцову, но зато он прекрасно знал о происхождении кубинских купюр, причем исключительно в двадцать песо, размером под американский доллар, как знающие взрослые говорили, на которой во всю длину ассигнации живописно представлена высадка со шхуны «Гранма» на кубинский берег прибывшей команды Фиделя: все, кроме Че Гевары, с бородами, на плечах тащат американские пулеметы «кольты», сами перепоясаны патронными лентами — под наших революционных братишек явно косят...

♦ Двадцатипесовых кредиток у ребят столько водилось, что их использовали чем-то навроде междусобойной валюты. Старшеклассники — по бытовавшим в школе рассказам — и вовсе, собравшись на чьей-либо квартире с отсутствующими домашними, играли в кинга, банкуя пачками революционных денег. При этом для шику хозяин квартиры, рослый одиннадцатиклассник*, обряжался в отцов мундир капитана первого ранга, на стол ставил бутылку рома того же происхождения, что и кредитки, и все игроки дымили настоящими «гаванами», что с прошлого года продавались по тридцать пять копеек штука во всех табачных отделах и киосках страны... В Америке же их контрабандная цена за одну сигару взлетела до пятидесяти-ста долларов. Дави их, империалистов!

...Происхождение же такой инвалюты связано с прошлогодним Карибским кризисом, когда весь Северный флот двинулся курсом на Остров свободы. В Полярном опустела Екатеринбургская гавань, обычно под завязку набитая подлодками, их плавбазами, торпедными и противолодочными катерами и другими «плавсредствами».

Размещенным на кубинских рейдах и пристанях военморам из Полярного и Североморска, как то принято на чужой, хотя и дружественной территории, флотские финансисты выдали половину месячного оклада в местной, свежееотпечатанной двадцатипесовой валюте, на которую, кстати говоря, на блокадной Кубе купить было нечего... Как уже взрослому Николаю, молодому специалисту-инженеру, в его житье в Тулуповске рассказывал его старший коллега и приятель, служивший в тот кризис на Кубе сержантом на радиолокационной станции ПВО, даже не перевоспитанные еще Фиделем мулатки-проститутки манкировали деньгами с героической панорамой высадки с «Гранмы», а в полном отсутствии в стране парфюмерии брали за услуги с советских военных *компаньерос*, солдат и матросов, одеколоном «Тройной» из расчета: один непочатый флакон за визит.

Случилось так, что очередную зарплату в песо выдали чуть ли не в день, когда Никита и Кеннеди ударили — по телефону спецсвязи — по рукам и кризис упряднили. Команды же советских кораблей срочно собрали по бортам и отправили во свояси в Полярный и Североморск. Поскольку в школе учились в основном дети флотских офицеров, то вся неконвертируемая валюта и оказалась в руках одноклассников Николки. Благо другого похода на Кубу не предвиделось... И у него завелось несколько двадцатипесовых, выигранных в пристенную стуколоку.

Но вот монеты, в отличие от бумажных денег, Николка добывал, причем исклю-

---

* Имеется в виду «хрущевская» одиннадцатилетка, упраздненная в 1966 году. Никита Кукурузник ее собезьянничал после поездки в США. Нынешние одиннадцать классов — оттуда же вывезены...

чительно царские серебряные и медные, в родной отцовой деревне Дворцы на берегу реки Угры, куда семья каждое лето приезжала на двухмесячный заполярный отпуск. Уже в день прибытия в избу младшей из сестер Андреяна Настасьи, овдовевшей в войну, от ее ребят Славки и Тольки о появлении Николки-коллекционера с Севера узнавали пацаны самих Дворцов, окрестных деревень Новосаково, Ярлыково, Баскаково — все в воспоминании татарского времени — и самого райцентра села Льва Толстое, что все в округе именовали по старинке Тихоном; село было монастырское, Тихонова пустынь с недалеким отсюда освященным столетие назад целебно-спасительным источником, что доставляло хлопот районному начальству в двенадцатые церковные праздники. Хотя бы в самом монастыре давно размещались газетная типография, потребкооперация и ремесленное училище для подростков-инвалидов, а жители окрестных деревень происходили от двуеперстников, старообрядцев-поповцев. Опять же про хрен и редьку...

И в первый же «киношный» день в ветхом новосаковском клубе перед сеансом Николку окружала окрестная ребятня с монетами — от оббитого в игру расшибаловку малоценного увесистого пятака времен между первой и последующим революциями до уже заслуживающей внимания меди восемнадцатого и начала девятнадцатого века, уже не говоря о хорошо сохранившихся — в сундучной заначке у бабок и прабабок, явно копившихся на черный день — рублевиках, полтинах и четвертаках с портретами царей от Александра Второго до тезки Николки с номером два. Попадались и более ранние, но без царевых парсун.*

По деревенским меркам того времени Николка расплачивался щедро. Сугубой малышне, запыхавшейся от бега и зажимающей в ручонках медяки, впрочем, порой и ценные, первых романовских царей, он с достоинством вручал новенькие — только что хрущевская реформа-деноминация прошла — пятикопеечники. Столько стоил билет на фильм в клубе. Ребятам посолиднее возрастом, своим ровесникам, за серебряную мелочь, пятачки, гривенники и двугривенные, выдавал за каждую монетку, не считаясь с годами выпуска, по двенадцать копеек, на которые тут же в сельмаге, расположенном углом к клубу, покупался большой пакет сладкой воздушной кукурузы — слово «чипсы» тогда не употреблялось, — рецепт изготовления которой Никита Хрущев привез вместе с «кукурузной идеей» из недавнего путешествия в Америку.

За серебряные рубли, полтины и четвертаки, как царевы, так и советские двадцатых годов, Николка платил по номиналу: «рупь за рупь», полтина за полтину. Только за явно ценный екатерининский рублевик с портретом глубоко декольтированной императрицы парень из Льва Толстого, постарше Николки, поопытней в жизни, сторговался за два «рыжих», которые тут же со своим дружкой потратил в сельмаге на бутылку — 0,7 ординарного портвешка, а на сдачу — два пакета той же кукурузы. На закуску.

Андреян, разглядывая дневную добычу сына, одобрял снисходительно увлечение сына: «Главное, не увлекайся этим особенно, проявляй интерес к истории тех времен, когда эти монеты в ходу были. Как говорили в старину: мешай дело с бездельем — с ума не сойдешь!»

Вот с этим самым екатерининским-то рублем с бюстастой царицей в дальнейшей, студенческой жизни Николая (уже не Николки!) история обернулась самым неожиданным для него боком. Улита едет, когда-то будет, но время для человека убыстряется со вступлением в активную фазу жизни, которая для Николки началась с триединого события: окончание школы, переезда семьи (хватит, повоевали, потрудились на благо страны в арктическом Заполярье, пора поближе к исходным родным местам возвра-

---

* Из каких-то неясных соображений Александр Первый не разрешал размещать на монетах свой портрет и указание на его цареву должность; также поступал и его брат Николай Павлович...

щаться...) в среднерусский Тулуповск и поступления его в местный политехнический институт. Чем-то он приглянулся председателю приемной комиссии, потому с первого сентября и был определен на все пять лет учебы старостой *своей* группы.

Памятуя об отцовской рекомендации совмещать дело и безделицу, как основе психического здоровья, Николай на первом курсе был мастаком пошутковать порой. Так для хохмы повадился носить за лацканом пиджака серебряный Георгиевский крест, что (без колодки, но с крепящим колечком) в тех же Дворцах выменял на почти не тронутую ржавчиной, как то бывает в песчаной почве, немецкую каску, обнаруженную при рытье нового погребка во дворе Настасьиной избы. ...Надо заметить, что хотя уже два года как Никиту Сергеевича отодвинули от верхней власти за «волонтаризм и пробабелизм» (народ последнее слово произносил как *пробабелизм...*), но им самочинно дополненное словами «плюс химизация народного хозяйства» (это как сейчас *цифровизация*) ленинское определение социализма, как советской власти и электрификации всей страны, еще отражалось во всем укладе жизни, в том числе в вузовских программах. Потому в обоих семестрах первого курса всех технических специальностей химия полагалась, наряду с математикой и физикой, одной из главенствующих дисциплин. И два экзамена по химии не одну честолюбивую мечту первокурсника сломали.

Николай по химии, равно и по другим предметам, *шел* хорошо, даже ближе к *отлично*. Зубрить по-девчоночьи брезговал. Память и соображение от природы имел отменные. Тем более — староста! А в те годы народоправия должность эта являлась не номинальной, не на побегушках, но полагался свой голос, наряду с куратором группы, на деканских совещаниях. В частности, только от старосты зависело давать или не давать на текущий семестр стипендию сомнительному по успехам в учебе согруппнику! Но когда молодежавый и уже осанистый по-профессорски, с вдохновенной копной вьющихся волос, убранных в пристойную академическую стрижку-прическу, доцент Борис Соломонович, зорко отметив серебряный крест, который Николай, отогнув лацкан пиджака, демонстрировал во время лекции приглянувшейся ему еще с сентябрьского, «ознакомительного» колхоза Леночке Самохваловой, мягким баритоном пригласил того в преподавательскую и начал внеучебный разговор о коллекционировании, то Николай, подумав о двух экзаменах по химии, дрогнул и сдался «без аннексий и контрибуций». На милость победителя.

К следующей встрече в преподавательской, из которой Борис Соломонович — мягким намеком, что-де учебный-то процесс идет! — выпроводил подчиненных ему ассистенток и лаборанток, Николай принес все свои монеты, уложенные в коробку из-под отцовского трубачного табака «Золотое руно». Отцепил из-за лацкана и серебряный крест.

...Как раз крест и екатерининский рублевик особо заинтересовали потомственно-го (в третьем поколении собираем русские монеты и награды, доверительно сказал Борис Соломонович) коллекционера. Как истинный педагог и профессиональный собиратель исторических древностей, велеречивый доцент не просто легко и без сопротивления выменял у *своего* студента крест и рублевик на монеты из принесенного им «обменного фонда» (Николаю было все равно какие, лишь бы посуху уйти...), но и хорошо поставленным лекционным голосом рассказал про предметы, уходящие от Николая: «...Оба они, екатерининский рубль и Георгиевский офицерский крест, не подлинники. Но настоящие серебряные. И их *серьезная* коллекционная ценность от того не уменьшается. Даже наоборот, ибо выделаны они во время изготовления оригиналов. То есть это не фальшивка, не *новодел*, а значимый артефакт истории! Они у *серьезных* коллекционеров идут по специальной графе и зачастую украшают основное собрание артефактов. Взять вот крест — он офицерский, а это высшая воинская награда. Оригинал то ли потерян на поле боя, а может и запропастился в большом доме помещика, отставного ротмистра или полковника. Но ведь императорский указ

в шкатулке лежит, вот и заказал он добротную копию у столичного или губернского ювелира.— Есть чем украсить сюртук на балу у предводителя дворянства!

Еще проще дело с *бывшим твоим* екатерининским рублем. Видишь вроде как крохотные полоски на аверсе и реверсе? Это значит, что монету не штамповали на Санкт-Петербургском монетном дворе, а выливали в примитивную глиняную или из иного жаростойкого материала форму, копирующую монету оригинальную. Так самодельные добытчики серебра «огосударствляли» свой незаконный промысел...»

Пожелав Николаю успеха в учебе и коллекционировании, Борис Соломонович внеслужебно поручкался с ним. На обоих экзаменах наш студент проявил отличные знания.

...История, следуя диалектике Гегеля, движется по спирали. Много лет спустя, Николай <уже> Андреянович, озаботившись поступлением сына в медицинский институт, где химия, наряду с биологией, суть главные вступительные препоны, а сын закончил школу с «гуманитарным уклоном», вспомнив о Борисе Соломоновиче, навел справки и узнал, что тот жив-здоров и вообще известен как главный в городе репетитор по этой дисциплине. Созвонился, поговорил на коллекционные темы, рассказал о своей докуке. Борис Соломонович обрадовался памяти о временах своей молодости, охотно взялся и довел сына Николая Андреяновича до поступления. Делай добро и оно всегда к тебе добром возвратится.

...С азбуки нам уже поздно начинать, или плохого князя и телята лижут, тем паче в наши век все подорожало, подешевела только совесть и все иные моральные качества современного человека, но все это многостраничное воспоминание в один миг обозначилось в голове доцента военно-технического факультета — по кафедре ракетостроения — Тулуповского университета Николая Андреяновича, в перерыве между лекциями «с окном» слетавшего на ближний Южный рынок с мотивированной целью: купить двухкилограммовый шмат соленого воронежского сала. С заполярной жизни уважал он этот продукт. Тем более, закадычный его друг, заслуженный профессор Игорь Васильевич Скородумов с биофизического факультета их же «универа», как два пальца об асфальт, растолковал ему, что свиное сало, но только без мясной прослойки, есть самый безхолестериновый продукт, поскольку оно, сало, не имеет кровеносных сосудов, с которыми эта вредность попадает в человеческий организм.

Дождаясь в преподавательской начала «чрезоконной» лекции с темой о флаттере, то есть дрожании (это как восторженно озвученный СМИ о новопостроенном волжском мосте, что вздыбился и заколебался при сильном ветре) несущих плоскостей крылатых ракет, Николай Андреянович все вертел в руках всученную ему в сдачу за сало пятикопеечную украинскую монету с рюриковым стилизованным трезубцем на реверсе и с цифрой «5» на аверсе — очень схожую с нашим пятирублевым. Прекрасно он помнил, что в девяностые и двухтысячные годы, когда на всех российских рынках добродушные хохлушки продавали нарасхват копченое сало и колбасу, они же всучивали в сдачу эти самые 5 *копійок* вместо схожих российских пятирублевиков покупателям из мужиков. Женщинам давать избегали, те слишком остроглазы.

Но сейчас-то, размышлял Николай Андреянович, когда с братьями-хохлами по указанию Великого глобализатора мы смотрим друг на друга только через пушечные прицелы, откуда на рынке эти *копійоки*? И сало на рынке токмо воронежское, хохлушек в помине нет... Но пришел к успокаивающему исследователя выводу: столько в свое время дружественной товароторговли пустили в оборот похожих на нашу пятирублевую монету *пятикопійок*, что уже наши покупатели вчиняют их отечественным торговкам, а те — в обрат. Словом, кругооборот воды в природе.

Прозвенел звонок, Николай Андреянович пошел рассказывать студентам, равнодушным ко всему кроме общечеловеческих ценностей, то есть долларов и евро, про явление флаттера у крылатых ракет и его сложное математическое описание.

◆ В то же самое время, пока Николай Андреянович, вертя в пальцах рук мало-российскую самостийную монету, бегло вспоминал свое детско-юношеское коллекционное увлечение (монеты и боны он давно раздал детям и внукам), его друг профессор Скородумов беседовал со своим деканом, только что вернувшимся из китайской командировки. Увлекающийся по своей доброй натуре декан делился впечатлениями от посещения Поднебесной:

— Жизнь кипит, почти на глазах на пустом месте целые города из небоскребов вырастают...

— Да-да, и мы помним из советского прошлого: «За ночь ровно на этаж подрастает город наш...».

— Что же поделаешь, дорогой профессор!.. Хотя нет, и у нас сейчас строительство на большом подъеме. Только деньги готовы или в долговую ипотеку влезай. У них же как-то все по-другому, наверное, еще по-советски, по социалистическим принципам. У нас в СМИ об этом молчок, а китайцы, которых я спрашивал, ловко уходят от прямого ответа. Но главное, Игорь Васильевич, ведь не только небоскребы строят, но весь их миллиард с солидным лишком постоянно делом занят! Мастерской мира, равно как Англия в позапрошлом веке, Поднебесная стала; луноход ихний уже невидимую нам сторону Луны бороздит, атомный подводный флот скоро с американским сравняется. Это вам не фунт изюму... по-ихнему не кило арахиса! Все при деле... Энтузиазм стахановский!

— Оно и будешь всю жизнь при деле — на отсутствующую пенсию рассчитывать не приходится. Да оно и у нас сейчас так... серединка на половинку. Насчет мастерской мира все верно. Особенно в наших пенатах: уже гвозди с шурупами исключительно китайской штамповки. И в едалове тож подвижки в их сторону. Искусственный рис из отходов пластмассы вроде как у нас еще не продается, но вот на гречку, национальный русский продукт, покушаются. Я сам по утрам уважаю рассыпчатую кашу из нее, под котлетку, конечно, домашнюю. Но вот наемдни супруга, поженски польстившись на дешевизну, приобрела пару пачек, сварила на пробу, ем — чувствую явно не то, какой-то дикорастущий китайский гаолян... или чумиза?

Уже простодушный наш народ, безо всякого юмора и сатиры, житейски, не задумываясь, у продавщиц спрашивает, приценившись к чему-либо: «Это настоящий или китайский?». Я так размышляю, пусть трудолюбивые китайцы, нынешние наши вроде как союзники, хотя бы и показали свои зубы предупреждающе еще на Даманском, на меня не обижаются... размышляю, сопоставляя и анализируя действительность. В отличие от Британской мастерской мира девятнадцатого века, плюс Германской последней его трети и начала двадцатого столетия, нынешний Китай завалил весь этот мир ширпотребом. Выделяя в особливую статью электронику, то есть массово тиражируемую европейскую, американскую, отчасти японскую технику на ими же поставляемом оборудовании (как у Маркса: вывоз производства в страны с дешевой рабочей силой), все остальное имитирует западно-восточные оригиналы и производится в трех категориях. Особенно в части одежды-обувки. Для стран «золотого миллиарда» все это фабрикуется из добротного материала на поставленном с Запада и из Японии с Южной Кореей оборудовании. Заводы этого товара с многотысячными трудовыми коллективами располагаются в уездных городах.

Не прошедшие строгий контроль по материалу или качеству изготовления предметы ширпотреба организовано перевозят в соседний заштатный городок или большое село, где в цехах попроще, чем на «материнской» фабрике, на простеньком оборудовании всю эту некондицию доводят более-менее до ума. Этот второй сорт отправляют в Азию, Африку, в Восточную Европу, включая ниши бывшие «союзные социалистические». Самый же бросовый «некондишен» с фабрик и мастерских развозят по многочисленным окрестным деревням, где тамошний народ простейшим инструментом и

приспособой клепают товар для российских купцов из-за речки Амура, которые и развозят его по всем блошиным рынкам бывшей 1/6 части земной суши...

— Эх ты, Игорь Васильич, все живописал! Сам сочинил или в газете какой либерально-оппозиционной подглядел? То, что китайцы всему полезное применение найдут, это еще Чехов, который Антон Павлович, хорошо сказал: «Нет такого предмета, из которого китаец не приготовил бы обед...»

— Да-да, все верно. Но он, Чехов, там же и про евреев упомянул... но это не по теме нашего разговора. Так чем честь заслужил предстать перед вами?

— Не ерничай, Игорь Васильич, я по делу с тобою поговорить хочу. Поездку в Китай в группе исследователей в области биофизики, точнее биофизических методов в практической медицине и биологии человека, как нетрудно сообразить, мне «устроили» мои хорошие московские знакомые из научных кругов. Цель полагалась двойкой. Во-первых, сам догадываешься, после недавнего отлучения от Академии ее исследовательских институтов «академистам» самим приходится искать места и способы приложения их разработок, идей и прочая. Во-вторых, здесь все в струю попадает, то есть в недавно озвученную на высоком уровне программу усиления интеграции в экономических связях с Китаем, уже в СМИ получившую наименование нового Шелкового пути...

— Знаем, в сторону телевизора иногда смотрим: мы им газ, нефть, электроэнергию и дальневосточный лес, а они нам шмотье, гэджикки для недорослей и баб, а ... впрочем и все остальное, начиная от кровельных гвоздей, благо у нас уже ничего не клепают, только энергоносители и эрзац-жратву! Отменно они только что подзаработали на переходе нашего телевидения «от слов к цифре»...

— Эх тебя то вправо заносит, то, напротив, либеральничать начинаешь. Ты уж определись!

— Про либералов это не ко мне. Либералы как раз ратуют гнать сырье только на разлюбленный им Запад: *це есть Еуропа*, как сейчас хохлы на ту же тему размовляются. Еще китайцам позарез нужен транзит по нашей территории: на Запад все везти.

— Ну, извини, дорогой заслуженный профессор. Я к тому подбираюсь, что не так все просто и грубо однозначно. Полагаются в этом Шелковом пути научные отрасли и наукоемкие технологии. Совместное самолетостроение, например. И нам надо подключаться к этим делам. Сколько у тебя, да и по моей части перспективных разработок! Я там у них только намекнул, сразу меня к окну подводят: видишь, мол, свежестроенный десятиэтажный домище? Хоть сейчас заселяйте своими, например, вахтовым методом, аппаратуру, какую пожелаете, из Штатов и Европы мигом доставим. Нам активные мозги, идеи перспективные, но только с реальным сроком внедрения в практику, вот как нужны! И никакой у *нас* принятой волокиты, бюрократии, «откатов» тем более — у *нас* чиновников за взятки расстреливают... не на повышение переводят. А? Каково, Васильич?

— На чем возу едешь, того и песенку пой.

— Это к чему выдержки из фольклора?

— А к тому, что музыку-то они, как работодатели, заказывать будут: может верхнее «си», а то и самое нижнее «до». Да еще с бемолями и диземами. Это я применительно к моей сфере интересов. Здесь практическое приложение, технологии, говоря уже въевшимся американским клише, равно может быть отнесено и к богоугодной медицине, но *еще более* к понятно какому, возлюбленному человечеством с пещерных времен, роду занятий. Притом особенно из всех этих занятий неразглашаемому. Вспомните, мой дорогой шеф, как в девяностые годы, когда, кроме новорусских дельцов и шестерок-бандитов, народ, в том числе и научный, вовсе потерял врожденную бдительность, время от времени сажали на приличные сроки, причем с общественной оглаской, московских и сибирских профессоров с приговором «за вы-

дачу гостайны». И уже не с оглаской, но в своих научных кругах, где все друг друга знают, всплывала подоплека: якобы совместные с китайцами исследования по «технологиям двойного назначения». Даже переданный «друзьям и братьям навеки» конспект лекций, что матерый профессор читает своим студиям уже полвека, мог послужить путевкой в узилище... Табачок-то врозь.

Мне лагерную феню осваивать поздновато, так что прошу не уговаривать меня сесть на верблюда нового Шелкового пути. Без меня как-нибудь. При всей моей советско-коммунистической убежденности и солидарности с социалистическим курсом нынешней Поднебесной. Хотя бы тамошние вожди и руководители уже поменяли сталинско-маоцзедуновские кители со стоячим воротником на европейские пиджаки и галстуки, а число их долларовых миллиардеров приближается к нашему братковскому. Да и не привычный нам социализм у них, а госкапитализм. Главное, «облико морале» совершенно различным традициям следует: у нас еще ошутимые отголоски проповеди Христа, да еще усиленные «Моральным кодексом» семидесятых годов; у них — конфуцианская обезличенно-прагматическая установка. Потому-то китайская подделка-фальшивка «под бренды» полагается ими нормой, а в нашем отечестве сейчас, конечно, сплошное воровство, спекуляция, надувательство и взяточничество, но хотя бы официально осуждаемое, главное — не принимаемое пока еще большинством «простого народа» (по антитезе, значит есть и сложный?), как говорили в советское время. Сейчас же его именуют, как сплевывают через губу, — обывателями...

— Разошелся ты, Игорь Васильевич. Уже понял: Шелковый путь тебе не по пути, ха-ха-ха, извиняюсь за тавтологию. Хорошо тебе — за умеренную, правда, оплату — в свободном плавании находиться. А от меня все по восходящей начальнической лестнице планов громадье требуют. Дескать, спущена сверху директива Шелковый путь торить — будь добр-стать телодвижения проявлять! Тут уже и стихами заговоришь. Главное, был бы толк-то? Это только в старину поговорка сбывалась: за богом молитва, а за царем служба не пропадет!

Под конец рабочего дня Скородумову позвонил Николай Андреевич; просто и без затей поинтересовался текущими докуками. Не забыл упомянуть о всученном ему на рынке самостийном пятаке со стилизованным рюриковым трезубцем. Опять же безо всякого умысла сказал... надо же о чем-то с приятелем говорить для вежливости, если прошедший день оказался серым и скучным. На безрыбье и рак рыба, то есть и незалежная монета суть деньга. Как-то в голове Игоря Васильевича, очевидно тоже от скучности завершившегося трудодня, нейроны и синапсы вдруг замкнули три совершенно разнородные предмета: Шелковый путь, детско-юношеское увлечение друга Андреевича коллекционированием и скорый день рождения давнего приятеля. Замкнуло — и зачем-то застряло в голове.

◆ До дня рождения Николая Андреевича, хотя и не «датского», не круглого... даже не полукруглого, друзья встречались дважды: оба раза, как повелось, в маленьком, но уютно обставленном кабинетике профессора Скородумова в корпусе биофака. Даже не то что повелось, но, как определил записной щегольский латинист Игорь Васильевич, *necessitatio practica* — необходимость заставила: в университетский корпус военно-технического факультета, где состоял доцентом кафедры ракетостроения Николай Андреевич, у мирного по роду занятий Скородумова допуска не имелось.

В первую из этих встреч, назначенную принимающей стороной и вовсе по мало-значашему поводу — профессор, страстный библиофил, похвастался своим новым приобретением, староизданной книжкой модного во второй половине девятнадцатого века публичного философа Бокля о роли женщин в науке, — Игорь Васильевич, вспомнив о давешнем украинском пятаке, перевел разговор на известное ему увлечение собеседника в детско-юношеские годы коллекционированием монет.

— Было дело,— усмехнулся Николай Андреевич,— тогда все ребята что-то собирали. И я не отставал. Все в прошлом нашем славном, увы, быстротечном. Раздал я свою любительскую, скромную коллекцию детям; теперь вот, если что в руки попадется, внуков-дошколят приобщаю. Для будущих успехов в истории и географии, хотя бы сейчас и переведенных в бездушную *егэфско-тестовую* систему...

— А дозволю полюбопытствовать: откель и что это самое... в руки попадает?

— Да все современные иностранные, преимущественно курортных царств-государств навроде Таиланда, Лаоса, Египта, Турции... Сам знаешь, бабы, те же наши доцентши-преподши, с конца девяностых годов повадились летать на эти импортные курорты. Как понимаешь, не из-за каких-то там достоинств такого отдыха, но исключительно по принципу тусовки, как мы с тобой это называем: мол, Верка по два раза в год *лётает*, а я чем хуже? И давай своего мужика теребить. Тому бы весь свой отпуск и дарованные партией и правительством десятидневные «рождественские каникулы» провести от трудов праведных в умеренном запое, на худой конец в диванной лежке перед телевизором (а у «ходовиков» свой интерес...), а тут его в Турцию тащат. Что он там не видел? Турок что ли? Так сходи на ближайший к дому рынок — какого угодно фасону физиономий узришь!

Словом, Васильич, как *слётает* на «боингах» — советские еще «илы» и «тушки» давно уже поизносились, а новых не клепают — наши факультетские бабенки, чьи мужики с деньгой, в Азию-Африку, а то и вовсе на Кубу и доминиканскую часть Гаити, так меня в презент и одаривают монеткой-другой... Как говорится, полетели за море гусыни, а прилетели — тоже не лебедушки!

— Это из каких-таких соображений они презентуют? У ихней сестры все по умыслу делается!

— Забыл, герр профессор, о природной их слабости: любви к детям, и своим и чужим. И подавать-то мне инвалютой стали после того, как обмолвился о приучении внуков к нумизматике. Доцентши это дело одобрили: пусть сначала для игры денежки собирают, а подрастут — будут на жизнь уже настоящие бизнес-деньги копить. Вот их будущие жены и тещи-то довольны будут!

— Логично,— отметил Игорь Васильевич, хотя бы в наличии у женщин логического мышления сильно сомневался. Даже специальную философско-психологическую монографию на эту тему написал и в столичном издательстве опубликовал в начале двухтысячных годов, когда гендерной толерантностью еще не задолбали...

— А скажи, Андреевич, когда в руки монетки эти берешь, не бьется сердчишко страстью бывшего коллекционера?

— Ну как же, воспоминания детства-юности и все такое. Нахлынет теплом, хоть на миг да отвлечешься от суконно-цинковой нашей действительности, когда божиться не велят, а лгать заказывают. Но — всему свое время; той первозданной радости и волнения сердечного от обретения новой монетки уже не вернешь. Как ты это на излюбленной своей латыни говоришь о быке и Юпитере?

— *Guod licet bovi, non licet Jovi*, Андреевич, что приличествует быку, то не приличествует Юпитеру. Это ты верно заметил. «По закату солнца денег не считать», — бабуся моя говорила.

Все он подводил приятеля к какой-то цели, неосознанно для себя:

— А что, Андреевич, собирая в отцовой деревне и окрест ее царские рублевики и полтины, серебряную и медную мелочь, небось постоянно держал в голове, еще мальчишечьей вихрастой, такую цапку заиметь, чтобы и ноги от восторга подкосились, а?

— Конечно, и мечты имелись. Я ведь не бездумно, как тот же Плюшкин, о коем мне отец напоминал к случаю, скупал или выменивал монеты, а читал на эту тему, о денежных системах, о редкостях, все, что на глаза и в руки попадалось.

— Наверное и про константиновский рублевик слышал?

Николай Андреевич, в этот миг багодуществовавший и подносивший к губам чашку с чаем (в эту встречу пился только чай; хозяин кабинета иронизировал, дескать, зарекся и заклился пить — от воскресенья до поднесенья...), остолбенело выпрямил, как ефрейтор в парадном строю, голову, надав при этом подбородком по чашке, часть содержимого которой горячей струей плеснула ему же на правое колено.

— Ты чего, Андреевич? Не в то горло пошло? Оно и понятно, чай не коньяк, организм противится,— рассмеялся Скородумов, увидев, что вреда здоровью друга нет.— Так почто встрепенулся-то?

Николай Андреевич, отставив на стол досадливую чашку и вытирая-промокая брюки на колене услужливо протянутой хозяином бумажной салфеткой, исподлобья взглянул на недоумевающего Игоря Васильевича, промолвил глухо, как обычно говорит тот, чью затаенную мечту походя зацепили неосторожным словом:

— Откуда про константиновский рубль знаешь?

— Здрас-сьте не запылвились! Что я по-твоему полный ботаник, как нынешнее подрастающее поколение выражается? Хотя и служу профессором и на биофаке, но интерес свой тычинками-пестиками... ну-у и коньяком дагестанским, почти неподдельным, как тебе хорошо известно, далеко не ограничиваю. И много чего другого в жизни повидал, услышал. А если интересуется конкретика, то отвечу: когда в Ленинградском университете — после нашего с тобою политеха тулуповского — математику изучал, что же мне в Эрмитаж зазорно было сходить? Там в нумизматическом отделе и видел этот рублевик. Да еще экскурсоводша про него рассказывала. Мол, эту редчайшую монету Эрмитажу, то есть музею в своей собственной *квартире*, подарил царь Александр-Освободитель. А ты тут чаи, хорошо на свои же брюки, расплескиваешь от возмущения, что не сам-один только знаешь об этой монете. Да-а, типичная, как говорят профессиональные психологи, фрустрация, то есть фактор перенесения объективации, коллекционера! Ладно, обиды не таи, извиняюсь, что прямо в твою хрустальную мечту попал. Неужто со школьных лет про него знаешь? Расскажи, словом, не во гневе твоей милости, не в зазоре твоей чести, как кто-то из классиков изрек.

Николай Андреевич, вытерев коленку, справился с совершенно невольным порывом, сам рассмеялся живучести психологии хотя и давно бывшего, но все же коллекционера. Допив нерасплеканный из чашки чай, неторопливо поведал о жемчужине русской нумизматики:

— Узнал я о нем, о рублевике Константина, несостоявшегося российского императора и самодержца, как ты верно угадал, еще в школьные лета. И как ты — в Ленинграде. Правда, под окончание этих чудесных, как в песне, школьных времен. А точнее — в последний год правления Хрущева, когда я перешел в десятый класс. Но Никиту Сергеевича подвинули с поста, вернее, со всех его должностей, осенью. Летом же наша семья в последний раз ездила в отпуск в отцовские Дворцы, ибо год уже моего окончания школы, хрущевской же одиннадцатилетки, был прощанием с Севером и переездом всего семейства в Тулуповск — на Большую землю, как говорят в Заполярье.

Для приобщения своих детей к «цивилизации» Андреев чередовал маршруты поездок, то есть выбирал поезда, следующие или через Москву, или через Ленинград. Там и там брал билеты на продолжение пути с расчетом побольше часов пробыть в столицах, поездить на экскурсионных автобусах. В этот год дорога лежала через Ленинград. На правах почти что взрослого десятиклассника, оставив родителей и братьев меньших на Московском вокзале, часов пять, благо стоял прекрасноподобный июнь месяц, гулял по Северной столице, ориентиром держась Невского про-

спекта, Васильевского острова и Петропавловской крепости. Пришвартованной к набережной «Авроры» тож. В исторической части Ленинграда не заблукнешь.

Понятно дело, не обходил книжные магазины, особо выискивая, как радиолубитель, популярные брошюры по этому славному делу. А на книжном летнем развале около магазина академической литературы на Васильевском острове, около университета, в котором ты, друг мой, попозже годами математику постигать станешь, обнаружил свежизданную тоненькую книжицу в мягком переплете под названием «По следам одной редкой монеты». Издана здесь же, в Ленинграде. Она и посейчас у меня сохранилась, а из уважения к ней и к ее автору, еще учась в политехе самолично и любовно переплел — одно время увлекался этим мастерством. По глазам твоим и мимике вижу — догадался, что книга эта о константиновском рубле.

— Давай, давай, Андреяныч, заинтересовал. Потом и книжку эту мне для саморазвития на пару дней занеси.

— ...До поезда еще уйма времени, потому на Стрелке Васильевского, заприметив летнее кафе-мороженое, сел за выносной столик и начал читать. Не хуже чем детектив! — За полтора часа внимательнейшим образом прочитал. Трижды к прилавку подходил и брал посудину со вкуснейшим развесным мороженым — как будто вчера помню: одно с черносмородиновым вареньем, другое с малиновым джемом, а третье с ванильной шоколадной крошкой. У нас в Полярном, увы, мороженое не делали. Не до того на Северном флоте в разгар «холодной» войны после хрущевской кузькиной мамашы с ООН-овской трибуны было... Не до того, Федя, не до того!

История же с рублевиком Константина достойна пера Конан-Дойля и Эдгара По. Но только не современных детективщиков: не по Сеньке шапка. Их уровень — менты, их друзья бандюганы, проститутки и *олигархеры* уездного масштаба. Словом, по Салтыкову-Щедрину: не задевать персон чином выше коллежского асессора. А в истории с константиновским рублем действующие лица суть цари, великие князья, министры. И ареал действия — от Петербурга до Нью-Йорка. Тем более все оттенки чувствований и прочей психологии: от подхалимного угодничества (знает лиса чье сало съела) министра финансов, подольстившего Константину, на самом деле вовсе не собиравшемуся отказываться от уютного места заместника в Царстве Польском и занимать хлопотную должность Царя Всероссийского, приказавшего отпечатать полдесятка пробных рублевиков с профилем Константина, до интересов великих князей нумизматов, опереточной серьезности высокопоставленных инициаторов подделок и мышинной возни европейских и заокеанских спекулянтов. И все это накладывается на восстание декабристов с междуцарствием в пару недель между братьями Александром и Николаем и братальником же Константином, которому сгоряча после смерти Александра присягнула царская семья и вся Россия... Окончание же с похождениями рублевиков — революционные события семнадцатого года, расстрелы великих князей, эмиграция... Впрочем, какое окончание, если время от времени «потерявшиеся» рубли хоть и редко, но всплывают на самых солидных аукционах! А может и всеми забытые лежат по пыльным углам.

...Во все время страстного, увлеченного монолога Николая Андреяновича профессор Скородумов несколько удивленно всматривался в восторженное лицо друга, как бы что-то оценивая про себя. Такое выражение оценки-настороженности бывает у подростков при игре в чет-нечет, она же орел-решка, коль скоро речь идет о нумизматике. Но еще более внимательный, явно не гармонирующий с детективной темой, взгляд Игоря Васильевича можно было отождествить с опытным врачом, стетоскопом прослушивающим сердцебиение у пациента: как оно, сердце-то, выдержит интенсивную терапию? Или лучше побережь, обойтись щадящим, таблеточным? Да, сочувствовал профессор, опасно быть коллекционером!

...Расставаясь на уличной развилке, от которой обоим рукой подать до своих домов, профессор взял с друга слово, что в следующий вторник, день его рождения, будь-статья прибудет к нему в два часа пополудни: «Неудобно, конечно, зазывать именинника к себе, но к тебе в корпус, сам понимаешь, суровый вохровец не впустит. В компенсацию за неудобство — фуршет за мной!»

♦ Оба приятеля до причисления к лику вузовских работников («Пора на пенсию, в Сенат!») трудились в военно-промышленном комплексе. И познакомились, сдружились в знаменитом тулуповском Конструкторском бюро (ныне покойного) академика Гусакова — оружейника с мировым именем. Потому были людьми дисциплинированными и обязательными. То есть аккуратно в следующий вторник в начале третьего часа Игорь Васильевич поздравлял приятеля в своем уютном кабинете с очередной прибавкой, увы, не оклада или пенсии, но в возрасте.

— Мы с тобой, Андреяныч, не барышни на выданье, годами не пристало нам считаться, тем более огорчаться. Тем более, они не деньги, что легко занимают, но натужно отдаются, наоборот, «мои года — мое богатство», как поет, вроде бы до сих пор, грузинский певец. Это тот хрен, что после «пятидневной войны» за Цхинвали публично отказался от советского еще ордена. Давай, присаживайся к моему скромному достархану с почти неподдельным «дагестанским»! Поговорим неторопоку пару часиков — извиняюсь, мне к четверем в главный корпус: позвонили с утра, велели прибыть; «диссерный» совет по кибернетике, в который вхожу, срочно проректор по науке повелел собрать: будет нас упрекать, что за последние три года всего одна кандидатская защита. А совет-то при чем, если оболтусов в аспирантуру на аркане не затащишь. Окончили «универ» — и в хакеры деньгу зашибать! «Ботаников» и наивных радателей науки уже не осталось. Тем более никто не помышляет о будущем доцентстве и профессорстве. Как Маяковский скандировал про добычу радия, что в грамм добыча, в годы труды. А добыча-то, то есть должностные оклады, поменьше чем у дворников-гастарбайтеров, а из русских — магазинных охранников-бездельников и кассирш. Ну-у, господь с ними со всеми от гастарбайтеров до проректоров, а вот тебе, как ракетчику, мой именинный презент: прижизненное издание сборника работ Жуковского по воздухоплаванию. Почти год, как приобрел в «Буккниге», держал для тебя, утаивая!

Приняв восторженные слова благодарности Николая Андреяновича, не хуже профессора Скородумова любителя и коллекционера печатных первоисточников, хозяин разлил по первой, задравной, добавив скороговоркой как-то безотносительно, что подарок его скромен по нынешним утилитарным, вещественно осязаемым временам, но до заката дня еще далеко, а судьба порой неожиданно преподносит *все-возможные сюрпризы*. И совсем пропустил именинник, занятый бутербродами с красной икрой, кумжей и грудинкой натурального копчения, мимо ушей некие отстраненные от события дня рассуждения Игоря Васильевича, как будто самого себя убеждающего, на тему антистрессовых свойств умеренно выпитого коньяка. Тем более, под хорошую, калорийную закуску.

— Какой, какой-такой стресс? — заинтересовался было Николай Андреянович, но приятель, сообразившись неуместностью сказанного, тотчас перевел разговор на другую тему, только заметив, что стресс есть палка о двух концах: от огорчения и от сугубой радости.

— ...Так канадский немец Ганс Селье, создатель науки о стрессе и дистрессе, объясняет, — пояснил по-профессорски Игорь Васильевич, — говоришь, внучки твои детсадовские тебе ко дню рождения картинку нарисовали цветную: «Дед Коля — машинист паровоза»? Ну да, у тебя ведь супруга учительница рисования, знает, как направить неумелую еще детскую руку с карандашом или фломастером...

Без десяти четыре пошабашили, вышли на улицу, в пару минут дошагали до соседствующего главного корпуса, на углу обменялись парой слов на расстанях:

— Ну, именинник, ты ведь по проспекту пойдешь?

— Конечно, знаешь же, что напрямки по проулкам сейчас сложно из-за стройки-«вставки» пробираться.

— Давай, иди. И мне пора пред светлые проректорские очи с нарочитым (сам все понимает — труба дело с аспирантами) гневом.

И добавил шутливо:

— Много не пей дома, ведь завтра трудодень! — Тем не менее для приличия топтался на углу корпуса, вроде задерживая друга. Наконец, еще раз пожал руку приятелю, развернулся и неторопливо пошел к входу в главный корпус, но боковое зрение все же отследило удаляющегося Николая Андреевича. Даже увидел, что того остановил (закурить или мелочи попросил?) некий бомжеватый мужичонка. Действительно, в четыре часа проректор собрал для административной вздрючки совет.

Придя после проректорского разноса домой, профессор Скородумов имел вид рассеянный. Явно не «стандартный» административный разнос являлся причиной этого. Ближе часам к восьми вечера все сдерживал откуда-то появившееся желание позвонить Николаю Андреевичу, например, под предлогом «поздравить еще раз, но уже в семейном кругу именинника». Некие колебания в части интуиции его останавливали. Выручила, как то часто и бывает в практической жизни, жена:

— А вроде бы у *твоего* Николая Андреевича сегодня день рождения? Почему не напомнил, ведь, небось, днем и отметили с ним это дело? Ну, ладно, *наберу* Ирину Станиславовну, давно не перезванивались, не виделись, поздравлю с именинником.

Почему-то заволновавшийся (ох, сам всегда не рад своей интуиции!) Игорь Васильевич спешно ретировался в санузел, в каковом издавна, еще далеко от драконовских антитабачных узаконений, привык устраивать перекуры. Супруга с мобильником в руке оценила воспитанность и деликатность мужа. Он всегда старался оказаться за закрытой дверью во время ее телефонных разговоров. Правда, она догадывалась, что таковая деликатность в мыслях супруга инвертируется в как-то услышанную от него раздражительную фразу: «Бабский треп и сюсюканье по телефону даже в чем-то ненавистнее вечерних телевизионных политдебатов... и вообще дебатов в любое время суток». Она, снисходя к мужскому чудачеству, не обижалась. Как только за дверью «совмещенки» наступила тишина, он тотчас вышел и поинтересовался ходом празднования.

— Ой, даже по телефону слышно: веселье как на юбилее! Андреевич твой *в ударе* полном, с приведенными внуками пляшет и хороводы водит, революционные песни поет. Ирина изумляется: чего дед разошелся, как будто премию в размере оклада получил...

Вся интуитивистская настороженность профессора исчезла. Сказав что-то непонятное жене про какого-то Ганса Селье, учению которого настоящий русский мужик, да еще заполярник по рождению, не подвластен, Игорь Васильевич совершенно успокоился, заблагодарушествовал, с поощрения супруги выкушал за здоровье друга пару стопок коньяка из заначки, прилег на любимый диван и продолжил начатое позавчера чтение антинигилистического романа Алексея Феофилактовича Писемского «Взбаламученное море». Даже не просил жену убавить громкость лютто ненавидимой им телепередачи «Тимофеев уикэнд», — от имени Тимофей...

♦ Все же врожденно-воспитанная интуиция не подвела нашего заслуженного профессора. Она его и самого иной раз пугала. Настолько беспокоила, что даже написал и издал лет десять назад двухсотстраничную книжку, в которой, проанализировав все известные теории по психологии мышления, с использованием самой

сложной конструктивной логики, информационных теорий и специальных разделов высшей математики («Это как ребусник Сеницкий — от Ильфа и Петрова — в своем алгеброиде путем очень сложного умножения и деления доказывает преимущество советской власти перед всеми иными властями», — сам над собой иронизировал Скородумов) доказал, что интуиция суть «пересечение» в подсознании человека архаичного инстинкта и современного интеллекта. Как всегда, теория его оказалась пионерской, не имеющей прототипных гипотез и иных научных фантазий. Понятно дело, как обычно, это сочинение профессора, да еще с естественно-научным доказательством, против которого не возразишь, вызвала глухое ворчание в академических кругах. Тем более, в заключении к книге Игорь Васильевич совсем неpolitкорректно назвал теории нобелевских лауреатов прошлого сугубо по части инстинкта, а их авторов, Анри Бергсона с его «творческой эволюцией», Фрейда с доминантой сексуальности и, что более всего возмутило «академистов», *нашего* Павлова с его уклоном в рефлексологию, профессор Скородумов легковесно нарек «певцами инстинктивного в мышлении и поведении человека». Такое столичными «авторитетами» не прощается... ибо сами не смеют по своему реноме. Но Игорю Васильевичу было глубоко плевать на мнение «авторитетов» (не бандитских, конечно, но научных).

Главное, сочинив и издав книгу, профессор досконально разобрался в своей, пугающей его порой, интуиции.

Итак, интуиция последних дней в отношении друга Николая Андреяновича не подвела. На следующую, послеименинный день уже в десять утра, едва Игорь Васильевич успел по приходу на службу (все *работают*, но только профессора и артисты гостеатров *служат!*) заварить чай, который и прихлебывал весь трудовой день, как случился звонок от Николая Андреяновича. Черт-те что было в голосе доцент-ракетчика! Профессор даже восхитился таким серо-буро-малиновым сочетанием: хлестаковская говорливость, восторг студента, которому препод по ошибке вписал в ведомость сто баллов, немисливо для серьезного человека перебивались на пониженной, шипящей от тайности октаве с некоей загадочностью. Через все сумбурное сообщение чувствовалась растерянность короля Лира и нескрываемый страх обрушившегося счастья, которое легко может перейти и в свою антитезу...

Ничего не поняв, а точнее списав главенствующий в голосе усталый восторг на вчерашние дневные и вечерние стопки коньяка, что активизирует сердечно-сосудистую систему, а также песни, хороводы и пляски с внучатами, Игорь Васильевич с прямотой римлянина рекомендовал изъясняться в правилах логики и синтаксиса. Фонетики тож. В ответ Николай Андреянович просил уделить ему часок времени (без продолжения вчерашнего фуршета) — у него на сегодня занятия только утренние.

В начале первого часа явился и сам вчерашний новорожденный. Выражение его лица и даже всей несколько коренастой фигуры вполне гармонировали с давешним телефонным аудиоотображением. Так псевдонаучно сформулировал профессор Скородумов, заинтригованный происходящим с другом.

Деловито, не спрашивая хозяина, вошедший, не успев еще поздороваться, дважды повернул вставленный в замок двери ключ, торопливо пожал руку профессора, опасливым шепотом с хрипотцой (все же вчерашний «дагестанский» сказался) спросил для профформы:

— У тебя в кабинете, Васильич, прослушки нет?

— Ты что, Андреяныч, телесериалов посмотрелся? Какая прослушка в нашем богугодном заведении с марочной диетой? Я вот полгода не добыюсь у нашего электрика у себя в кабинете пару ламп на потолке — видишь как неоновые подмигивают? — сменить... нет, говорит ни единой на складе, кризис в мире и особенно в университетских финансах, а ты — прослушка! Ладно, не огорчай меня бытовым невзгодами, что случилось?

Николай Андреевич, все же загородив своей плотной фигурой в неснятом нарочито пальто максимально возможную часть стен кабинета с подозрительными розетками, противопожарными датчиками на потолке и переходными коробками электропроводки, нагнувшись над столом, вынул из застегнутого на пуговичку внутреннего кармана пиджака какую-то подсобную, вроде как из-под наручных часов, старую обтерханную коробочку, раскрыл ее и, значительно — пан или пропал! Надеюсь, ты, Брут, не продашься красным комиссарам! — посмотрев глаза в глаза Игорю Васильевичу, с легким стуком и молча положил на край столешницы три рублевые монеты с профилями Петра Первого, Первого же Павла и... незнакомого Скородумову персонажа с округлой головой, слегка курносый небольшим носом, несколько вздернутым подбородком, зальсого и с узкими бакенбардами. И только прочитав надпись по кругу «*Б. М. КОНСТАНТИНЪ I ИМП. И САМ. ВСЕРОС. 1825*», очень серьезно посмотрел на тож встревоженного происходящим показом Николая Андреевича, несколько секунд промолчал, после предложил гостю снять пальто и присесть. Сам же немного поколдовал возле холодильника и «обеденного» шкафчика, поставил на стол перед Николаем Андреевичем стопку с остатками вчерашнего «дагестанского» и на маленькой тарелке бутерброд с сыром, настоятельно порекомендовал:

— Выпей на вчерашнее, сними напряжение и рассказывай.

Николай Андреевич подчинился авторитету старшего по званию и степени. После стопки лицо его порозовело, а речь «пришла к логике и синтаксису», как рекомендовал ему еще в телефонном разговоре Игорь Васильевич.

◆ — Если, Васильич, сверхъестественного в мире не существует, то его бы следовать придумать...

— Ты прямо как Вольтер про бога говоришь! Может к делу, раз оно такое серьезное случилось?

— И я о том же. Вчера мы с тобой расстались у главного корпуса, не успел десятка шагов отмерить, как меня мужик вида *б/у* — 4 притормозил...

— Заметил я. На пиво недостающий червонец просил?

— В том-то и дело — нет! На вид забулдыга лет сорока, но по неухоженности и на полтинник с гаком потянет. Одет в помоечное тряпье, грязен, неумыт, тощий и сторбленный, ростом метр-сорок с кепкой. Хотя запашком сивушным не тянет, но состояние явно похмельное. Нет, точно лет сорок ему, потому и отцом меня окликнул, дескать, помоги, отец, трубы горят, два дня с брательником квасили. Купи монеты серебряные, дешево отдаю — и протягивает в грязнейшей ручище вот эти самые три рублевика. И я, наверное, не хуже его, с горящими-то трубами: как увидел константиновский рубль, со школьных лет по той ленинградской книжке с цветными фотографиями, о которой ранее тебе рассказывал, знаемый — аверс, реверс, гурт, — так и ног под собой не ощутил. Все, мол, Андрееныч, хотя и умеренно, но допился! Глюки наяву пошли, пора завязывать! Но усилием воли вернул себя в чувство, перебивающимся от волнения и внутреннего нервного озноба голосом спрашиваю где взял. А у самого в голове одно предположение страшнее другого: ограбил музей или квартиру солидного нумизмата? Тут же себе «тпр-ру», какие такие в Тулуповске музей и коллекционеры с константиновским рублевиком, что даже в советской Большой энциклопедии, на что уж серьезнейшем издании, именовался *уникумом*? А Эрмитаж и Исторический музей в Москве, где имеются эти уникамы, да еще вроде как музей в Вашингтоне, явно бомжеватому собеседнику не под силу подломить...

Мужичонка же ссылается на бабкин сундук, что в его частном домишке-развалюхе в пригороде в подсобном сарае под всяким дровяным и железным хламом чуть не век простоял... только сейчас с брательником руки добрались. Главное, упирает мужик, бери задешево, отец, брат Петька совсем плох, помрет, не дай бог, без

опохмелки. Бери кругом по четыреста рублей за штуку... домой мне нужно, братуха еле дышит, стакан-другой ему для поправления организма требуется.

Отсчитал ему тысячу двести, спросил — есть ли еще, или в бабкином сундуке только три этих нашел? «Нет,— говорит,— еще другие имеются. Тебе сколько нужно?» Здесь я совсем перепугался, еще в какую воровскую передрыгу влипнешь. Дал ему отмашку прощальную и заторопился, не оглядываясь, на проспект, где полуднее и затеряться от нехорошего взгляда в спину просто.

Пока домой шел, все мысли в голове путались: завязывались и развязывались. А что если правда заваленный хозяйственным мусором сундук бабкин или прабабкин, подгородней мелкой торговки-мещанки, что всю жизнь упрятывала в заветную укладку — детишкам и внучатам жизнь после ее кончины подсластить — серебряные рублевики? Ведь это как доллары в Америке все действительно, бумажные и монетные, сейчас — любого года выпуска, как их за океаном печатать и штамповать начали, так и при царях до самой революции: имеешь законное желание честно заработанный или украденный в базарной толчее серебряный целковик в кабаке пропить — так целовальник или половой халдей, не моргнув, с любой царской парсуной рублевик примут. Вот и складывала, совершенно правильно не доверяя ассигнациям — живет-то ведь как на вулкане! — бабка или прабабка, увесистые серебрушки в сундучок... Да еще что покрасивее выбирала!

Кстати вспомнив все из той же ленинградской книжки легенду, что-де один русский коллекционер якобы константиновский рубль вместе с другими бумажными, золотыми и серебряными деньгами получил, сорвав банк в карточной игре где-то за границей Российской империи, вроде как в Баден-Бадене. Или в каком другом курортном городке...

И почему бы этой тулуповской подгородней мещанке или третьегильдийной купчихе не попасться константиновскому рублевику — одному из тех двух-трех, что миновали музейные стенды? Тем более в суматошные годы революций и Гражданской войны?

Нет, Васильич, даже отменяя ничтожнейшую вероятность попадания в бабкин сундук рубля-оригинала, все же наличествует, согласно все той же книжке, некоторое число новоделов-подделок, но ведь и они имеют высокую коллекционную ценность? Помнишь, не так давно рассказывал тебе о бывшем у меня фальшивом екатерининском рубле?..

— Почему эти монеты блестящие, словно только из-под штампа Санкт-Петербургского монетного двора... если, конечно, не новоделы?

— А-а-а, так это я их вчера, когда гости разошлись и в квартире все утомонилось, тайком, запершись в ванной, почистил их. Слишком уж грязноваты на вид были. Тем более, серебро со временем покрывается окислом-патиной.

— Откуда же умеешь серебро чистить?

— Забыл, Васильич, в школьные годы любителем-коллекционером являлся, *свои* монеты, что из отцовской деревни, чистил. Дело нехитрое: соды обычной на влажную тряпицу и несколько минут потереть — вот и засверкают!

— Да-да, вспомнил из литературной классики: помещичьи горничные столовое серебро содой чистили... а вот медный самовар в это же время лакей шлифовал до красного блеска толченым кирпичом. Ладно, серьезно к делу надо подходить, надо для начала проверить на серебро. Здесь сразу получим ответ: дальше что-то предпринимать или будешь с внуками этими рублевиками в ностальгическую расшибаловку играть.

— А как проверить? Помню, в моем коллекционном детстве как-то не сомневался в подлинности, но краем уха слышал: надо йода капнуть — высохнет, темно-ко-

ричевое пятно останется; вот еще обычной аптечной серной мазью пробовать — должно проявиться пятно черное.

— Андреяныч! В двадцать первом веке живешь... и кафедра химии в соседнем корпусе...

— Так как так?! Раскрыть константиновский?

— Зачем константиновский. Вижу — все три монеты из одного металла, как когда-то певали: «...Из одного куют металла». Поэтому «обналичим» только самый дешевый, если иметь в виду оригиналы, — павловский рубль.

— У тебя знакомые профессора-доценты с химии?

— Зачем же их беспокоить и себя хоть чем-то выдавать. Мигом по универу разнесут: такие-то такие нумизматической спекуляцией занялись! Тебе это нужно? Мне — нет. Сейчас я своему аспиранту позвоню. Парень ловкий, мне его подкинули с кафедры информационной защиты, что также в соседнем корпусе.

Игорь Васильевич набрал номер:

— Приветствую будущего супершпиона-шифровальщика! Ты на кафедре?.. Хорошо. Знакомые у химиков имеются?... Замечательно, не надо мне объяснять в каких половых связях состоишь с этой аспиранткой, главное, чтобы голова и руки у нее из нужного места росли. Звякни ей — если на месте, а не дома, то перезвони мне сразу.

Через пару минут Скородумов откликнулся на звонок:

— На месте? Слушай, Вова, дуй незамедлительно ко мне — диспозицию здесь объясню... Клюквенной?.. А-а, в своем аспирантском столе про запас хранишь. Ладно, захвати. Я здесь с приятелем скупаю.

Порекомендовав остальные две монеты спрятать в давешнюю коробочку, рублевик с курносич (от него тот же профиль и у его сына Константина) Павлом Игорь Васильевич вручил примчавшемуся через десять минут Вове в обмен за пол-литровую бутылку уже известного ранее Николаю Андреяновичу настоянного на клюкве самогона — гордости аспирантского деда. Профессор кратко пояснил что требуется. Аспирант Вова отсалютовал, уверив, что в течение часа обернется: подруга Люда как раз по части неорганической химии упражняется на кафедре.

...Не успели профессор с доцентом распробовать до половины бутылки «клюквенной» по новому рецепту деда-умельца, для спокойствия душевного как бы забыв о предмете сегодняшней экстренной встречи, вернулся Вова и положил на стол монету и распечатку со стандартной программы анализа: в объекте исследования сохранилось: $Ag - 0,00\%$; $Sn - 89\%$; $Zn - 11\%$. После ретирования аспиранта («Больше заданий на сегодня нет, Игорь Васильевич? А то мне с Людой расплачиваться натурой надо...») профессор Скородумов соболезнующее поздравил перспективного игрока в расшибаловку и предложил «заиграть обиду» распитием «клюквенной» до донца, каковой приговор и был исполнен. Николай же Андреянович, по характеру сочетание сангвиника и флегматика, вновь обрел нарушенное было спокойствие души.

♦ Хотя и редко, но профессор Скородумов в дружеских посиделках с Николаем Андреяновичем нет-нет да подначит: «Симилёровым рублик-то Костин оказался!»

— Оловянным, безо всякого симилёра.

— Э-э, брат, давненько шашек в руки ты не брал, в смысле не перечитывал классику! В девятнадцатом веке не только дворяне по-французски *парлеву*, но отдельные слова и в разговорном языке использовались. Так и симилёровый от французского *simile l'or*; это по созвучию сам можешь перевести: первое слово одного корня с «симуляцией», а «лёр» — золото. То есть подделка под золото: из сплава меди и цинка. А со временем и на все остальные мошенничества и эрзацы этот термин перенесли, на то же серебро. О последнем ты, Андреяныч, как счастливый обладатель лжекон-

стантиновского рублевика, уже прекрасно знаешь: в основе поддельного сплава олово, как по цвету, твердости и особенно по удельному весу почти брат-близнец полудрагоценному серебру...

— Обижает, Васильич. Русскую классику хорошо знаю, не только по школьной программе почитывал. А вот симилёра этого не встречал — иначе бы запомнил.

— Значит рассеянно порой читал. Вот тебе навскидку из «Бесов» Федора Михайловича: эпизод, когда душегуб-живорез Федька Каторжный рассказывает Ставрогину, что ограбил наемни церковь, сторожа-подельника прикончил, а скупщик краденного копейки сущие заплатил за «подбородник», то есть серебряный оклад с иконы Николая Угодника, дескать, «симилёровый он у тебя». Вообще говоря, хотя слово французское, но саму медно-цинковую, плюс чуток малый олова, подделку под золото узнали в своих индокитайских колониях, где такой сплав по-малайски называется томпаком. Тоже в русском языке употребительное.

Я, Андреяныч, чего думаю про *твои* рубли? — Слишком уж точно подобран вес сплава и «заявленный» на реверсе и гурте монеты с указанием пробы. Я все эти золотники, доли* и пробу пересчитал в граммы — точняк под истинный вес натурального, что указан в твоей книжке про константиновский рубль. Получается, с одной стороны, дешевойшая подделка, с другой — точная выдержка веса с подбором большой внешней схожести с серебром указанной на монете пробы, искусственная патина старения... Главное, несомненная штамповка, даже надпись на гурте — видно, что точный «слепок» с оригинальной музейной монеты! *3-D*-печать, как обезьянничают «с американского» наши СМИ, хотя бы есть совершенно аутентичный русский перевод: объемный.

И все это в части серьезных коллекционных монет, подделку каких даже нумизмат средней руки тотчас определит! Нет, Андреяныч, что-то здесь не то: не в коня корм... опять же забулдыга из подгородней деревни с брательником, у которого «трубы горят». Не то, друг мой, не то. Загадка сия велика и многозначительна. Времена сейчас опасливые и настороженные, так что пока остерегись одаривать внуков оловянными целковыми. Пусть подрастут; может иные ветры подуют. Еще посмеемся над простотой разгадки.

...Но разгадка пришла уже через три месяца после описываемых событий, треволений и несбывшихся надежд Николая Андреяновича, кстати где-то узнавшего случайно, что на Нью-Йоркском аукционе лет пятнадцать тому назад «гуляющий» по рукам константиновский рубль оценили в полмиллиона долларов. Не то что за себя обидно ему стало, не заполучил такую сумму деньжищ, но за отечество: такой уникам и за смешные деньги! Все-то Запад принижает, относящееся к России.

День исчезновения тайны явления оловянного клона редчайшей русской монеты пришелся на ласковую погоду окончания мая месяца. Николай Андреянович подходил уже к своему дому, как пересекся на углу соседнего с недавним своим знакомцем Егором. Был он помоложе нашего доцента, потому по отчеству рекомендовал не называть. Где-то с полгода назад Егор, содержащий в соседнем доме крохотную по клиентуре автошколу, помещавшуюся в квартире с пристроенной лестницей входа с улицы, где и сам владелец проживал с лохматой собачкой Жучкой (жена-стерва при разводе обобрала как липку, еле сохранил деньги на эту вот квартиру), остановил визуально знакомого соседа. Был Егор в легком восторженном подпитии, душа требовала собеседника.

Поинтересовавшись краткой автобиографией и нынешним *status quo* Николая Андреяновича, узнав о его заполярном происхождении и исторической родине горо-

---

* Русские меры для малых весов: золотник — 4,266 грамм (1/96 фунта); доля — 44,43 миллиграмма (1/96 золотника); меры с 12-ричным основанием: 96 = 12 × 8.

де Полярном, Егор пришел в неописуемый восторг: «Да мы же с тобой земляки! Я срочную морфлотовскую в Полярном же служил катерником, а после дембеля шесть лет, женившись на этой нынешней стерве, жил в Мурманске, работал на судоремонтном заводе. Это надо же где нам с тобой встретиться?!» И так далее, долго вспоминали северные места. Более всего Егор сейчас опасался от скуки холостой жизни и малых доходов от своей автошколы. «Конкуренция здесь велика. Гадо бы мне хорошую, серьезную бабу найти, а то прикладываться часто начал по вечерам. Опять же назавтра весь день кататься на машине: сам ведь себе и хозяин, и инструктор. Сложно сейчас женщину-то найти. Хотя форму далеко не потерял, но как узнают, что автошколу содержу, так и м и мерещится начинают какие-то миллионы радужных бумажек!» И только запросившаяся домой Жучка развела двух бывалых североморцев.

И в позднемаяский день «снятия печати» с тайны, как в апокалиптических откровениях Св. Иоанна, встретил Николай Андреевич знакомого Егора на том же углу и в таком же статусе: несколько выпивши, с Жучкой на поводке.— Явно серьезной женщины пока не обнаружилось.

— Что это, Егор, вечер почти, ты сам-двое с собачкой гуляешь, а по твоей «служебной» лестнице в твою квартиру какие-то бомжи входят как себе в дом?

— Понимаю-аешь, сосед, дела у меня с автошколой не ахти как идут. Сейчас всего четыре клиента, вернее четыре простибомы, которым их папики дешевые машинки купили. Вот и начал сдавать по вечерам, когда занятий у меня нет, в аренду «классную» комнату. Хм-м, интересный купец, молодой совсем парнишка, нынешний арендатор; говорит, для разгона в бизнесе откопал себе крохотную и необычную нишу: торговлю вразнос по своей сети китайскими поддельными коллекционными монетами. Я поначалу хотел отказать в аренде, мол, дело подсудное — фальшивомонетство! Но он, посмеиваясь, разъяснил. Китай сейчас в мире монополист в этом промысле. С помощью современных технологий штампуют настоящие подделки для «обувания» малоразборчивых нумизматов, то есть точные по весу, форме и так далее из настоящего золота. Серебра, меди и так далее, как у оригиналов, фальшивки фабрикует малыми сериями, а то и под индивидуальный заказ — для таких же жуликов, только уже по торговой рознице. А чтобы уже готовые формы под изготовление еще доходы приносили — уже массово гонят дешевку, те же серебряники из оловянных сплавов. Они и вовсе ни под какую статью во всем мире не подпадают: сувениры значит. Доходы, конечно, невеликие, но — с миру по нитке той же курочке по зернышку на прокорм. Плачу оптом где-то от ста до ста пятидесяти рублей за «серебряник», сетевикам своим отдаю по двести пятьдесят — триста, а они, уже сами с продажи свою долю получают. Рекомендую не более пятисот брать.— Чтобы даже близко к коллекционной стоимости не приближалось: а то при судебском усердии и к фальшивым делам могут привлечь! Сувениры они и есть сувениры. Распространителей из мужиков неказистых, лет сорока-пятидесяти набираю по объявлениям или на рынках отыскиваю. Учю их — под кого косить, как одеваться, в каких местах города промышленно, как наметанным взглядом потенциальных клиентов вычислять.

...Придя домой, облегченный от всех уже тайн и мировых загадок (не говоря о жизни на Марсе...), Николай Андреевич после ужина с доброй улыбкой смотрел на позапрошлогодний подарок профессора Скородумова — как выпускнику Северного флота — висевший на стене жестяной китайский сувенирный кортик (цена 500 рублей в подарочной коробке), издали очень смахивающий на настоящий.

Евгений Асташкин
(г. Омск)

ВОЛЧЬЯ БАЛКА

Наш постоянный автор.

— Ура! Наконец-то! — голоса семиклашек смешно ломались, словно едва оперившиеся петушки опробовали первую распевку, но ничего толком пока не ладилось.

Так бурно были встречены слова физрука Анатолия Семеновича, который после торжественной линейки в честь 23 февраля объявил в классе, что сегодня можно будет отправиться на долгожданную лыжную прогулку. Осталось только принести из дома лыжи, а с трактористом МТМ, заядлым рыбаком Петряковым все обговорено, он в одиннадцать подъедет к школе с вагончиком, который всегда стоял в его дворе. Молодой физрук был из местных, три года после педучилища.

В честь праздника уроков было всего два, потом — общешкольная линейка. После нее девочки вручили мальчишкам приготовленные сувениры — и всем по домам. Лишь семиклассники, переодевшись дома по-спортивному, снова подтягивались к школе, где у ворот блестел гусеницами ДТ-75 в сцепке с вагончиком. Он был оббит жестью, сверху торчала закопченная труба буржуйки. Вагончик совместными усилиями сделали местные рыбаки, любители зимней ловли. Для этого пригодился спиленный прицеп.

В школе осталась в исправности всего пара-тройка лыж с креплениями и ботинками к ним. Поэтому для лыжной прогулки приходилось надеяться на свою амуницию. Школьники всю зиму упрашивали физрука покататься с горки на Волчьей балке, что в десяти километрах от Казанки. Волков там давно распугали с тех пор, как обустроили рядом полевой стан второй бригады.

Хоть физрук и долдонил одеться потеплее, но какое катание в тулупах. Вот все и явились налегке: кто в фуфайке, кто почти в картонной куртке, лишь девочки пришли в тех же самых пальтишках, примелькавшихся в школе — и на прогулке хотели выглядеть не абы как. Выделялась высоким ростом и демисезонным пальтецом со стильным разрезом хохотушка Ольга Зимянина. Комсорг Зоя Бойченко была в своем красном пальто с маминого плеча, мама у нее такая же сухая, как подросток.

Анатолий Семенович, поджав губы, придирчиво осмотрел собравшихся. На дворе минус десять. Хорошо хоть на девочках двойное трико, как они уверяли.

— Дядя Толя! — хотел о чем-то спросить конопатый Сашка Кропотов, который жил через забор от физрука и считал, что это дает ему право на некие поблажки в общении.

— В школе нет никаких дядей и тетей, сколько раз можно повторять, — перебил его Анатолий Семенович. — Только по имени-отчеству...

Соседский мальчуган сморщил на носу веснушки и спросил в обход всяких имен:

— А сколько мы будем кататься?

— Часа три. Больше не успеем. Надо засветло вернуться домой...

Лыжи у Кропотова были с самодельными петлями из плетеных чемоданных ремней, сам в валенках. Они будут скользить, обязательно к подошвам прилипнет снег, трудно будет поворачиваться. У других экипировка тоже не на высоте. Но раз сами просили, пусть потешатся. Лишь очкастый отличник Олег Хаменчук и здесь показал свою дотошность: в высоких отцовских ботинках, куртка с капюшоном.

— Варежки, перчатки у всех есть? — напоследок спросил физрук. — Достали из карманов, показали. Кто забыл, того не возьмем с собой. Ладно, забирайтесь в вагончик!..

Класс из двенадцати человек делился поровну на мальчиков и девочек. Детвора с трудом затолкалась в тесный вагончик, девчата обособились на правой боковой лавке. Парни уселись напротив. Весь проход завалили лыжами. Получился целый штабель высотой в полметра.

Сам физрук сел в кабину рядом с вечно чумазым трактористом Петряковым. В кабине витал запах «Московской».

«Успел уже, — поморщился физрук. — Наверное, прихватил бутылочку с собой...».

У неунывающего тракториста весело блестели глаза из-под малахая. За эту поездку ему в школе выделили тридцатку из профсоюзных денег, попросив только не «набраться» раньше времени — дети все-таки доверены.

Петряков потянул на себя сдвоенные рычаги, трактор дернулся, выпустив дымок, гусеницы заскрежетали, рубцуя прикатанный снег на грунтовой дороге, убегающей сквозь тополиную аллею за село.

Свет едва проникал в единственное окошко вагончика. Это подвигло некоторых мальчишек на предсказуемое комментирование. Тут же раздалось неистребимое:

— Темнота — друг молодежи...

— Книжку точно не считаешь, — комсорг класса Зоя Бойченко попыталась по долгу службы перевести разговор в другую плоскость.

— Зато можно в прятки поиграть, — опять не растерялся мальчишечий ряд.

— Это чтобы прятаться друг за другом? — развивалась тема.

И сразу началась обычная чехарда:

— Сегодня все село будет пьяненькое...

— Не все, не преувеличивай!..

— А все-таки зачем к балке? Вдруг волки вернулись...

— А мы не вкусные...

— Нет, правда, — одиноко звучал девичий голосок, принадлежавший Зимяниной. — Мой отец однажды осенью был у Камней. Он всегда на охоту ходит пешком за много километров. Там между сопок узкая тропа, камни — и вдруг на пути волчица...

— И что?

— Она смотрела на моего папку и у нее из глаз капали слезы. Наверное, рядом были ее волчата. Папка сразу повернул назад...

— Холопов, убери свою руку! — визгливо вскрикнула толстушка Манька Веревкина. — Шаловливая она у тебя ...

В вагончике надыхали, и пар перестал выходить изо рта. Вскоре всех сидевших потянуло набок — тракторист повернул направо и съехал с грейдера на грунтовку. Сильнее заскрипели лавки из-за качающихся тел — ухабы не давали расслабиться.

— Я не умею держаться за воздух, — сострил Холопов.

— Зато курить хорошо умеешь.

— А ты видела?

— Небось, и сейчас в кармане «Прима» заныкана. Слабо вывернуть карманы?..

— Да убери ты свои грабли, Холоп!..

Трактор внезапно замолк, слышно было, как Петряков чертыхается снаружи. Дверь вагончика открылась, физрук был виден в проеме по плечи.

— Выгружаемся!

Детвора стала резво спрыгивать на снег. Всем бросились в глаза стожки соломы, усеявшие совхозное поле. Солому время от времени вывозили на ферму для подстилки скоту.

— Это же не Волчья балка,— поблескивал линзами Олег Хаменчук, близоруко оглядываясь.

— Немного не дотянули,— словно оправдывался физрук.— Что-то с мотором...

— Теперь придется нарезать круги вокруг этих копен? — допытывался неугомонный Холопов.

— Опять это магнето! — пробурчал тракторист, бросив возиться с движком.— Надо было его поменять, да перед праздником не хотелось копать...

— Выгружайте свои лыжи! — поторапливал физрук.

Детвора стала вытягивать снаряжение. Лыжи переплелись, не выдергивались.

— Не торопитесь, сначала верхние,— подсказывал физрук, потом не выдержал и забрался в вагончик. Стал оттуда подавать что попадалось под руки: бамбуковые и алюминиевые палки, лыжи простые и полупластиковые. Некоторые оказались с заклеенными трещинами.

Внизу подхватывал все это сосед физрука Кропотов и оборачивался, отыскивая владельцев, которые сами забирали свое добро. Когда в руках у Кропотова оказались самодельные палки, почти напоминавшие черенки от лопат, он не удержался и помаhal ими в воздухе:

— Такими можно черепа пробивать!

— Давай сюда! — отобрал у него палки Холопов, видимо, сам выстругавший такое чудо.— Зато от волков отбиваться хорошо...

Тракторист вытер руки тряпкой и сказал Анатолию Семеновичу:

— Пока вы катаетесь, я схожу на полевой стан. Может, сторож найдет такое магнето.

— Ты надолго? — насторожился физрук.

— Полчаса туда, полчаса обратно, да там столько же...

— Ну, ладно, раз такое дело,— вынужденно согласился физрук. Он заметил, как Петряков выудил из-за сиденья початую «Московскую» и сунул себе за пазуху. Ладно, пусть угостит сторожа, может, действительно поможет с этим магнето...

Семиклашки, сняв свои фуфайки с куртками и забросив их в вагончик, стали прикреплять к обуви лыжи. Лишь девочки остались в пальтишках, боясь продрогнуть.

— А, может, все-таки двинем к балке? — подал идею Холопов.— Всего километра четыре, даже видно отсюда.

Физрук оставался в раздумье:

— Девочкам будет трудно...

— Там такая горка! Зря, что ли приехали?..

— Если бы не это! — недовольно показал рукой физрук на заглохший трактор.— Теперь не стоит удаляться от него, вдруг снегопад начнется...

— Ну пойдемте туда! — упрашивали его.

— Нет, я сказал! Будем кататься на этом поле.

Через час поле избородили сдвоенные пересекающиеся тропинки,— анархическая лыжня. Физрук все посматривал на расчищенную межклеточную дорогу в сторону полевого стана. Виднелась ажурная башенка мехтока с бункером на высоте, над

избушкой сторожа столбом вился сизый печной дымок. Время шло, но тракторист как пропал.

Солнце незаметно скрылось в туманной хмари, на небо стали наползать тяжелые тучи.

— Что-то не нравится мне это,— пробормотал физрук, тоже стоявший на лыжах.

Он подозвал ближних к себе семиклашек:

— Придется идти за подмогой в совхоз. Вдруг на полевом стане не окажется магнето, что тогда? Только время потеряем. В шесть уже начнет смеркаться. Вы пока тут катайтесь, но далеко не заходите. Замерзнете, полезайте в вагончик и там сидите. Всем это передайте. А я попрошу другой трактор. До совхоза десять километров, дойду за час.

Он снял лыжи и зашагал на грейдер.

Едва физрук удалился, Холопов всех стал подбивать отправиться к Волчьей балке:

— Скатимся пару раз с горки, а потом вернемся.

Девчонки отнекивались, но, видя мальчишечий пыл, нехотя подчинились, хотя с горки на лыжах спускаться побаивались, лучше бы на санках. Холопов и взялся прокладывать лыжню. Плотный, весь в отца-столяра, энергии хоть отбавляй. Над верхней губой уже золотятся усики, пожалуй, через год придется покупать электробритву. Он махал палками, временами оглядываясь назад. Видя, что девчата поотстали, покрякивал, словно находился на месте их сегодняшнего наставника:

— Сильно не растягиваться!..

Олег Хаменчук тоже еле плелся в хвосте, задерживая продвижение. Он поминутно поправлял запотевающие очки и задышливо отсылал привет жожаку, срываясь на фальцет:

— Да не беги так! Нам не в книгу рекордов Гиннеса...

Троечников, а их было большинство в классе, всегда злило его умничанье.

Наст был подходящим, почти без бугров, как за школой на околице. Лишь кое-где встречались полосы свежего снега, на которых и отпечатывалась лыжня. А на самом насте по пути движения лишь оставались пестреющие точки от лыжных палок.

Полевой стан сбоку, по правую руку, становился более различимым: вон столовая, вон красный уголок, вон склады. Людей нигде не видно. Может, Петряков вместе со сторожем снимает сейчас нужную деталь с чужого трактора...

Скоро должно было начаться понижение в начале балки, но вдруг оттуда ударила целая волна ветра, едва не сбившая ребят с ног. Все интуитивно пригнулись и подались вперед, борясь с потоком. Волна давила все сильнее и сильнее. Небо заметно притемнилось, и глаза секло колкими снежинками, которые скоро превратились в сплошное месиво. Стало ясно, что начался снегопад. Дувало подхватывало хлопья и несло прямо в лицо. Снег слипался на ресницах, забивался за шиворот. Больно стало открывать глаза, оставалось только в щелочку смотреть под ноги.

Непонятно было, надолго ли это. Некоторые машинально отвернулись от неумолимого потока, сразу продрогнув до костей. Теперь хоть можно открывать глаза, но что толку? Видимость обрывалась в трех-четыре метра. Кто-то окликал товарищей, но свист ветра все заглушал. Вот когда пацаны пожалели об оставленных в вагончике фуфайках, в них была хоть какая-то возможность переждать напасть.

Ничего не оставалось делать, как возвращаться назад, но все следы замело, пара пустяков заплутать в такой круговерти.

Хаменчук снял ненужные теперь очки, которые залепило снегом, выпростал ноги из лыж и по ветру двинулся в обратный путь. Его подталкивало ветром. Он почему-то вспомнил из прочитанного рассказа, как заплутавшие охотники выбираются из

тундры. Очень непросто держать прямой курс, так как вес человека несимметричен из-за смещенного влево сердца. Необходимо держать в правой руке какой-то противовес, например, подходящий камень, чтобы тебя постепенно не заворачивало в левую сторону, иначе нарежешь круг и вернешься в то же самое место. Может, все это придумки, да и какой здесь камень? Можно только держать курс по ветру, но его порывы теперь толкают вбок. Ветер переменялся или все-таки уже потерял ориентир?..

Через какое-то время перестало свистеть в ушах от ветра, но снег валил и валил, сплошная занавесь вокруг...

Комсорг Зоя Бойченко лыж не снимала — на ней были лыжные ботинки, а на них далеко не уйдешь, — без каблуков, скользкие подошвы, ноги будут разъезжаться. Она пробовала окликнуть кого-нибудь, но никто не отвечал. Наверное, все разбрелись. Тогда сама зашагала неизвестно куда, чтобы просто не заledenеть в своем красном пальтишке. Руки сводило от боли, ноги била неукротимая дрожь. Через какое-то время она не стала чувствовать пальцами ботинок, сами ступни стали задеревеневшими, мешали делать прочные шажки. Остановилась, облокотилась на расставленные лыжные палки, лбом в мокрые варежки. Стало уютнее, охватила непонятная эйфория.

«Я только немножко, совсем чуть-чуть...»

Толстушка Веревкина набрела на копну соломы, чему смертельно обрадовалась, как спасительному островку посреди неумолимой круговерти. Больше отсюда никуда! Она стала выдергивать пучки, стремясь сделать норку в копне, где можно было бы переждать непогоду. Рвала неподатливые хрусткие стебли, не жалея рук. Когда рядом с ней образовалась хорошая кучка соломы, вспомнила, что в кармане пальто болтался коробок спичек. Точно, он на месте! Разжечь, что ли, костерок, чтобы хоть пальцы погреть?..

Коробок оказался уполовиненным. Чиркнула одной спичкой, но ее сразу задуло. Присела, раскинув полы пальто, и зажгла вторую. Жиденькое пламя побегало вверх по соломинкам, но вскоре погасло, лишь краснели кое-где бисеринки, отдавая дымком. Попробовать сразу две спички для надежности? Вспыхнула одна серная головка, от нее зажглась другая, солома стала шипеть, огонь набирал силу. Теперь главное — подкладывать сверху солому, чтобы не гасло.

Так и делала, пока не разгорелся настоящий костерок, однако пламя на открытом месте металось из стороны в сторону, и мешал снегопад, словно пытался погасить эти спасительные язычки. Снизу уже протаял наст, показалась земля с ровной стерней. Но зато кончилась солома, надо снова дергать. Пока дергала, пламя улеглось, лишь перемигивались глазки на черном круге золы.

Накиданная сверху новая порция соломы не загоралась, а лишь дымилась. Оставалась последняя спичка. Надо сначала побольше надергать соломы, чтобы под руками был запас. Маня уже не думала о норе, а выдергивала пучки, где податливее. Когда набрался ворох по пояс, набросала на золу побольше топлива, снова раскинула полы пальто. Последняя попытка. Спичку зажала намертво, и едва она вспыхнула, поднесла к ней раскрытый коробок, не касаясь головки. Он загорелся, и от него занялась солома. Теперь огонь лизал лицо, дым крутило вокруг, не знала, с какой стороны подступиться, чтобы погреться. Только найдет место, снова дым вильнет, и прямо в лицо — дышать нечем, глаза режет...

Кропотов тоже бросил свои лыжи и слепо тыкался по степи. Хорошо, что под трико он надел теплое белье и сразу две майки. Когда он снял шапку, чтобы опустить уши, различил металлический гул над головой. Отвернулся от ветра и стал смотреть вверх. Сквозь снежное мелькание удалось разглядеть параллельные полосы. Да это телеграфная линия! Надо двигаться под проводами и наткнешься на столб. Стал двигаться в этом направлении, приоткрывая уши шапки для контроля, и скоро действи-

тельно уперся в деревянный столб. Надо идти по столбам — обязательно приведут к жилью...

* * *

Физрук почувствовал весь трагизм положения уже на подступах к селу, когда его подхватили тугие струи ветра, снося вбок, на обочину. Но он шел по грейдеру, и можно было особо не опасаться — иди хоть вслепую, лишь посматривай временами под ноги. К тому же впереди хлопала дизельная установка подстанции. Когда вошел в аллею, густо повалил снег. Теперь дети напрочь отрезаны непогодой.

Даже по селу было трудно передвигаться, а каково там, в чистом поле? Хоть бы успели семиклашки забраться в вагончик, на язык-то все бойкие, не сплеховали бы и сейчас. Анатолий Семенович даже не знал, что предпринять. Сначала надо в школу, вдруг директор еще у себя, хотя что ему там делать, если нет уроков? А вообще-то он на больничном после удаления аппендицита. Просто появился ненадолго на линейке. Разве что завуч задержался. Но его физрук не ставил в известность...

Ступеньки у школьной парадной двери были наполовину заметены, низ массивной, много раз крашеной и перекрашенной двери прикрывала снежная полоска. Ни одно окно не светится. Потянул за ручку — так и есть, заперто. Тогда быстрее в контору...

Сгибаясь в три погибели, двинулся в центр села. Ни одной души навстречу. Обогнул огороженный жидким штакетником парк и вошел в фойе конторы. В тусклом свете малосильной лампочки виднелись по стенам стенды с оскомными надписями: «Пятилетку за 4,5 года!», «Трудовые подарки дояркам к празднику», «Наши правофланговые».

Заскрипели ступеньки двухмаршевой лестницы — со второго этажа спускался председатель рабочего комитета Размывакин, в овчинном тулупе, перекрашенном под дубленку. Физрук сразу к нему, словно к родной душе:

— Директор у себя?

— А что случилось? — сразу насторожился рабочком.

— Да у нас там трактор заглох...

— Какой трактор? — недоумевал Размывакин, поворачиваясь к собеседнику по направлению света лампочки.

Физрук сбивчиво объяснил ситуацию, рабочком всплеснул руками:

— Там же мой племянник — Олег Хаменчук. Пошли!

Он резко развернулся и опять стал давить тяжелыми унтами деревянные ступеньки лестницы. Ничего не объясняя молоденькой секретарше, открыл дверь директорского кабинета. У Антона Федоровича был парторг Жиздрев с неразлучной кожаной папкой в руках. На вошедших никто не обратил внимания.

— За тобой кормоцех, — продолжал рокотать директор. — Чтобы не получилось, как в позапрошлом году. Разморозили все к черту! Сколько убытков! Как праздник — за каждым следи в оба глаза. Обязательно надо надраться до посинения. Не может наш брат без этого...

Директор в зимние праздники распределял среди своих помощников дежурства на самых важных объектах: ферма, подстанция, МТМ, котельные...

— Антон Федорыч, срочное дело! — рабочком подтолкнул вперед физрука.

— Что там еще? — недовольно нахмурился директор. Он давно уже не отмечал этот мужской праздник в кругу семьи. Разве дадут. Почти всю ночь приходилось сидеть у телефона в своем кабинете. Лишь иногда на часок вырывался домой попить чайку и наскоро перекусить.

— Семиклассники остались в степи, — стал выкладывать физрук. — Трактор с вагончиком сломался возле второй бригады.

— Зачем же вы туда поехали? — директор не ожидал никакого подвоха от молодого физрука. Тот еще со школы выступал за совхоз на разных соревнованиях по футболу и хоккею, всегда с дипломами возвращался. Да и теперь входит в местную сборную, которая не на самом плохом счету. В коридоре на стене стенд с кубками — в основном, благодаря ему. — Прогноза разве не слушал?..

— Дети всю зиму упрашивали покататься с горки в Волчьей балке. Да и солнце с утра светило...

— Ты видишь, что делается на улице? — директор ткнул пальцем на окно с наполовину заиндевевшими стеклами.

— Я сказал детворе, чтобы пересидели в вагончике, если что...

— А дрова там есть?

— Нет, — виновато потупился Анатолий Семенович. — Сами еле поместились.

— Ну ладно, тракторист, как его там... Петряков, надеюсь, догадается растопить печь хоть теми же лыжами...

— Петряков ушел на полевой стан поискать магнето.

— Оставили детей одних? — вскочил Антон Федорович с кресла и нервно затарабанил пухлыми пальцами по краешку стола. — С утра пораньше пошлем грейдер расчищать заносы. Лишь бы все обошлось. За такое знаешь, что бывает?..

— А с полевым станом нет связи? — хватался за соломинку физрук. — Может, Петряков заменил магнето...

— Была бы связь, я бы без чужой подсказки давно позвонил. Петрякова скорее всего метель застала на стане. Воду из радиатора не сливали?

— Нет, у нас с собой не было запаса воды...

— Ну, все, картер уже лопнул! — стал заводиться директор. — Вот на черта ты это затеял, можешь объяснить мне по-русски?..

— Говорю же, просили всю зиму. Пожалел их, думал, зима уже кончается...

— Пожалел он их, называется! — директорские белки глаз сверкнули яростью. — Сейчас начнут родители здесь собираться, раз дети не вернулись вовремя. Поднимется настоящая паника. Устроил нам праздничек, нечего сказать!..

Словно в подтверждение его слов в кабинет вошел переполошенный директор школы:

— У меня родители спрашивают, где семиклассники? Сам я вообще-то на больничном...

Разглядел физрука. Тот молчал.

— Что молчишь?

— Они там, в вагончике у бригады. Трактор сломался.

Директор школы бессильно рухнул на ближайший стул, закрыв лицо руками:

— Боже мой, боже мой!.. Как чувствовал...

— Давайте не поднимать панику, — собрался с мыслями директор, услышав торопливый топот и возмущенные возгласы в коридоре. — Вон уже идут сюда...

В кабинет ввалилось с полдюжины сельчан.

— Мы думали, дети где-нибудь на чаепитии после своих лыж... А их вообще потеряли!..

На улице уже стемнело. Антон Федорович, объяснив ситуацию, попросил всех не шуметь, а лучше отправиться домой — готовить, у кого есть подходящий транспорт. Дай бог, к рассвету распогодится, и все поедут вслед за грейдеристом. Два человека из «безлошадных» остались дожидаться в конторе. Директор школы тоже задержался, он не находил себе места.

— А ты иди до других родителей, кто не пришел,— выпроваживал физрука совхозный хозяин.— Вдруг кто не в курсе по уважительной причине,— выразительный щелчок ниже подбородка.— Сам с ними объясняйся. А я должен сообщить об этом в райцентр. Пусть завтра на всякий случай пустят над балкой почтовый кукурузник.

Директор вместе с рабочкомом зашагал вниз к радисту. Увидев, что входная дверь не закрывается из-за натоптанного снега, сказал Размывакину:

— Найди техничку, чтобы почистила, еще не хватало здесь регистры разморозить...

На улице физрук задумался, кто из оставшихся не оповещенными родителями семиклассников живет поблизости. Библиотекарша Семенович вон в том угловом доме. Но что сделает одинокая вдова, к тому же приволакивающая ногу? Ей не стоит ехать. Вот у Вододохова «Победа», очень проходная, на шасси.

Во двор к Вододохову не пускал свирепый кобель. Пришлось перелезть через штaketник и огородам пробираться к дому сквозь кусты малины и шиповника. Стал стучать в окна зала, где теплился свет. Минут десять топтался у окна — никто в доме не реагировал. Наконец за шторами промелькнула тень, приоткрылась дверь веранды. Желтый конус света наискосок разрезал давно нечищенный двор.

— Кто там? — хрипло.

— Это я. Закрой псину!

Физрук соблюдал безопасное расстояние между собой и рвущимся на цепи псом.

Вододохов, спотыкаясь, неверным шагом прямо в тапочках дотопал до будки и затацил в нее зевластого охранника, прикрыв на вертушку сетчатую дверцу.

— Закемарил немного, моя тоже спит. А где Пашка?

Физрук понял, что и от этого будет мало проку — уже наклюкался. Но на всякий случай сказал:

— Ты бы откопал к утру гараж. «Победа» на ходу?

— А шо такое?

— Застрали ребята в вагончике. Утром поедем вызволять...

— А ты почему здесь? Бросил их? А если что... Да я тебя своими руками!..

У Вододохова под усами блеснуло жутким оскалом, он стал потрясать перед собой скрюченными пальцами. Потерял равновесие и чуть не упал, задержавшись за оконный переплет. Хрустнуло стекло.

— Мы собираемся в конторе. А я пока к другим...— физруку ничего не оставалось делать, как поспешить тем же окольным путем на улицу...

* * *

К утру снегопад прекратился. Грейдерист стал прочищать дорогу от рыхлого снега. Следом двигался целый кортеж: директорский «Бобик», автолавка Кропотова, «Победа» Вододохова, две «Беларуси»...

На трассе особых заносов не было, а вот дорогу до полевого стана второй бригады замело полностью — чуть проглядывали комковатые кромки от прежней чистки.

В трехстах метрах от трассы виднелся ДТ-75 с вагончиком, гусеницы наполовину в снегу. Однако такое странное безмолвие, кабина трактора пуста, вагончик непривычно статичен. Даже если кто-то приподнимется на лавке — вагончик сразу начинает ходить на рессорах, а сейчас не шелохнется, и труба не дымится. Невозможно не заметить из окошка вагончика такую колонну, но почему никто не спешит навстречу?..

Физрук первым побежал по глубокому снегу к вагончику, за спиной тоже раздались нетерпеливые возгласы, снежный хруст нагоняющих. Анатолий Семенович рва-

нул за дверную ручку и обомлел — внутри пусто, никаких лыж. Значит, сюда больше не возвращались...

Все остолбенели и с нескрываемой неприязнью глядели на физрука: что он скажет? В это время на бреющем полете пронесся над полями в сторону балки почтовый кукурузник. Все стали следить за его разворотами, словно это давало какую-то надежду.

— Надо пробиваться на стан,— махнул рукой бульдозеристу директор совхоза. Трактор зарычал с удвоенной силой, приподнял блестящий отвал и принялся таранить все нарастающую кучу снега на межклеточной дороге.

Антон Федорович отозвал в сторонку рабочкома:

— Сгоняй к парторгу. Я его оставил за себя. Сейчас из райцентра передадут, что увидели с воздуха. Потом сразу сюда.

Директорский «Бобик» стал объезжать на трассе колонну. В это время кукурузник пролетел над головами собравшихся и повернул в сторону райцентра, быстро превращаясь в точку среди голубого неба.

Теперь вся надежда была на полевой стан. Может быть, Петряков всех ребят увел от непогоды туда. Весь транспорт стал двигаться вслед за бульдозером, который действовал свирепо, на пределе возможного. Через полчаса дорога до стана была почти пробита, оставалось метров пятьдесят. Сторож с Петряковым уже поджидали, забравшись на старую кучу снега. Директор школы приложил ладони ко рту:

— Ребята у вас?

Сторож с Петряковым недоуменно переглянулись.

— Нет. А что?..

Такого ответа боялись больше всего. У всех собравшихся сжались в комочек сердца. Значит, надо готовиться к самому худшему, хотя никому не хотелось в это верить.

Видно было, как у Петрякова посерело лицо и повело губы. Он все понял и только гадал: какое будет ему наказание. В таких случаях чаще всего начинают искать «стрелочника».

Когда одолели последние метры заноса, Антон Федорович скомандовал:

— Осмотрите все постройки и всю территорию вокруг!..

— Никого здесь нет,— лепетал сторож с татарским акцентом.— Я все сам-сам проверяю. Заметил бы...

Но его никто не слушал. Осмотрели все закоулки — тщетно.

Директор собрал всех вокруг себя:

— Не будем терять драгоценного времени...

— «Бобик» едет! — выкрикнул кто-то.

По прочищенной дороге вихлялся директорский брезентовый внедорожник. Рабочком выскочил, хлопнув дверцей, и сразу к делу:

— Передали только, что возле одной копны виден черный круг, в нем какое-то движение. А в трехстах метрах слева от Волчьей балки на ее середине фигура в красном на лыжах.

— В красном пальто! — радостно воскликнул водитель автолавки Бойченко.— Это моя Зочка. Где, в каком месте, покажите мне, я сам...

Рабочком повторил свои слова, Бойченко ринулся в поле, по колени проваливаясь в снег.

Подойдя вплотную к Антону Федоровичу, рабочком добавил с дрожью в голосе:

— Уже пробивается из райцентра милиция со скорой помощью...

И смерил физрука тяжелым взглядом.

Директор снова взял инициативу в свои руки:

— Растягиваемся цепью и будем все прочесывать, сначала в ту сторону балки. Обращаем особое внимание на все бугорки, осматриваем каждую копну.

Цепь стала двигаться. Облегчало дело то, что снег не везде был глубоким, с оглаженного солнцем наста его сдувало, и он цеплялся лишь за складки и волны. Под первым же бугорком ждала страшная находка — откопали застывшего калачиком Олега Хаменчука.

Когда приблизились к одной из копен, стало понятно, о каком черном круге шла речь. На огромной куче почти остывшей золы лежала Вережкина — здесь она пригrelась. Увидев людей, повернула чумазое, как у негра лицо, стала подниматься.

— Ты в порядке? Ноги-руки не отморозила?..

Ее сразу же увлекли с двух сторон за руки в сторону транспорта. Никаких обморожений у нее не обнаружили, и на директорской машине быстренько отправили домой.

Интуиция словно вела Бойченко к цели. Как только он встал на увал балки, увидел в дальней ложбине красный силуэт. Выпрастываясь из невидимых под снегом ямок и упавая на руки, он напрягал все свои силы, чтобы поскорее добраться, доползти до родимого существа.

— Я иду к тебе! — повторял он, досадуя, что ноги плохо слушаются.

Да, это она, до нее совсем чуть-чуть осталось, но почему она не откликается, даже не шевелится? Должно быть, сильно устала. Бойченко поравнялся с дочерью, стал смахивать с ее плеч снег и неожиданно почувствовал чугун под сукном. Стал трясти дочь за плечи, но под руками — холодный монолит. Разум отказывался это воспринимать.

Даже не услышал, как рядом оказались сторож с трактористом Петряковым. Они стали сапогами отмахивать нанос с лыж, чтобы отделить их от ног девчонки. Сторож поддерживал лыжницу сбоку, когда та стала статуей крениться набок. Потом Петряков стал отцеплять лыжные палки, петля одной из них была закинута на руку, поэтому он молча вынул из кармана складной нож и стал ее перерезать.

— Зачем? — старался помешать этому Бойченко и попытался поднять дочь на руки. Его мягко, но настойчиво оттеснили:

— Мы сами...

Мужики подняли школьницу за ноги и плечи, понесли в сторону машин. Отец, ничего не соображая, забегал сбоку, пытался прикрыть ноги дочери сползающими полами пальтеца:

— Ей холодно!..

На заднем диванном сиденье «Победы» замерзшая не умещалась. Рабочком кивнул в сторону автолавки:

— Придется туда...

Распахнули будочную дверь автолавки, на металлическом полу какие-то разломанные ящики. Бойченко загоразивал дочь:

— Зачем в автолавку?

На трассе послышалось пофыркивание машин, на межклеточную дорогу съехал милицейский уазик болотного цвета и следом притормозила белая «скорая помощь».

Трое из райотдела милиции — следователь, участковый и криминалист — подошли к директору, здороваясь за руку. Он один был в настоящей замшевой дубленке коричневого цвета. Других людей служивые словно не замечали.

— Нашли семерых из двенадцати, — коротко бросал нахмуренный Антон Федорович. — Одна девочка жива, отправили домой.

— Продолжаем поиски! — отчеканил следователь. — В каком направлении еще не прочесывали?

Служивые без лишних слов подключились к поискам.

Бойченко приподнял худенькую дочь, прижал к себе и понес в «скорую». В ней уже лежали на полу в позе эмбриона два замерзших школьника. Находящийся на практике молодой рыжеусый медбрат в белом халате потрогал одного из лежавших за запястье и поморщился. Подхватили из рук Бойченко тело в красном пальто и стали укладывать на полу рядом с другими несчастными.

— Может, ее еще можно оживить? — умоляюще смотрел на двух приехавших медиков Бойченко. — Ведь бывают такие случаи...

Врачеватели ничего не отвечали, только старший, увидев, что с поля несут еще двоих замерзших, произнес озабоченно:

— Все не поместятся. Остальных придется распределять по машинам.

И тоже посмотрел в сторону автолавки.

Когда к «скорой» поднесли новые обнаруженные детские тельца, практикант попросил Бойченко выйти из машины, куда он уже забрался.

— Я тоже поеду! — упирался сельчанин.

— Извините, сами видите — нет места.

Медики уложили новых прямо поверх других тел. Бойченко опять стал пытаться забраться в «скорую».

— Дайте закрыть дверь. Мы потом сообщим, когда приезжать в морг, — произнес практикант и поперхнулся.

Дверь все-таки закрыли. Старший в халате, реаниматор, набросился на молодого:

— Не учили вас, что ли, на занятиях врачебной этике?

— Я сам все понял, просто случайно вырвалось...

— Это мы между собой так можем разговаривать. Сейчас еще начнут кидаться на машину...

И точно — Бойченко с перекошенным от страдания лицом стал бить кулаком в бок «скорой». Рабочком обнял его за плечо и стал утешать.

Директор школы суетился больше всех на поисках — вина придавливала его. Тяжелые мысли преследовали, не покидали ни на минуту. Это ж надо такому случиться! Теперь, если не выпишут «волчий билет», перекинут в какую-нибудь отстающую школу, в самое захолустье — в лучшем случае завучем. Да черт с ним, пусть хоть сажают! Его вина очевидна — понадеялся, не доследил, дал добро на эту поездку. Всех семиклашек он знал по имени, помнил каждую конапушку на лице. С этими ребятами он даже фотографировался, когда они были в третьем классе. Заглянул в актальный зал, а там фотограф выстроил на сцене их вместе с классным руководителем. Тогда еще Хаменчук окликнул директора: «Пойдемте с нами фоткаться!» И вот он откопал его в снегу, окоченевшего, синие ладони под мышками. Теперь та фотография на всю оставшуюся жизнь будет немым укором...

Осталось найти последнего семиклассника — Кропотова. Вроде бы все уже вокруг обошли, нашлись только его несуразные лыжные палки недалеко от телеграфной линии. Вспомнили про волков, но в балке не виднелось их следов.

— Будем продолжать поиски, пока не найдем! — повторял уставшим людям следователь. Сам он на минуту подозвал директора школы и пригласил в милицкий уазик для процессуальных действий. Там уже сидел понурый физрук. Следователь быстро опросил директора и дал подписать все записанное с его слов.

Из Казанки в очередной раз прикатил «Бобик», на этот раз приехал сам парторг.

— Нашелся Сашка! — едва высунувшись из машины, воодушевленно воскликнул он с облегчением. — Его сейчас привезли из Мирного. Да живой! Сам туда пришел по столбам...

Сотрудники милиции поняли, что их миссия на сегодня закончена; собрались и

уехали, сказав директору, что уцелевших семиклассников опросят в следующий раз. «Скорая» тоже стала разворачиваться на узком очищенном промежутке, чтобы отправиться следом в райцентр.

В это время Вододохов угрожающе подбежал к директору с монтировкой в руках:

— Где этот?..

Он не мог понять, куда подевался физрук.

— Уже взяли за цугундер,— выразительно посмотрел на него директор, и тот как-то смяк.

— Я представляю, что бы ему здесь было сейчас! — вполголоса сказал Жиздрев директору.— Угробил целый класс...

* * *

Физрук отсидел «от звонка до звонка» все пятнадцать лет срока. Потом вдруг объявился в Казанке. Ему намекали, чтобы он уехал куда подальше. Тот вроде соглашался, но кивал на то, что надо сначала хоть немного заработать на дорогу. Да и где его ждут с такой биографией — судимых нигде не берут на сносную работу, а он кроме как гонять мяч и шайбу, ничему не научен. На зоне все это время валил лес. Ему советовали податься вольнонаемным на северные нефтепромыслы, там таких немало, да и платят более-менее. Но бывший зек все раздумывал.

В один прекрасный день его обнаружили ранним утром прикрученным проволокой к забору собственного дома, шея намертво стянута.

В райотделе не стали заводить уголовное дело, написав в заключении судебной экспертизы, что это самоубийство — бумага все выдержит...

